

ХИЩНИЦА

ПЬЕСА ЭМИЛЯ ФАБРА

ПО РОМАНУ

ОНОРЭ ДЕ БААЛЬЗАКА

„ И С К У С С Т В О ”

✓ Хп
Ф-12.

✓ Ф-12
на 10004

ХИЩНИЦА

ПЬЕСА В 4 ДЕЙСТВИЯХ

ПО РОМАНУ

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

~~75444~~

Перевод

ЕВГ. ТАНКА

№ 14583

Областная
Библиотека им. ГОГОЛЯ
Фундаментальное
отделение

„ИСКУССТВО“

ЛЕНИНГРАД - 1937 - МОСКВА

86.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

Пьеса «La Rabouilleuse» является инсценировкой одноименного романа Баззака из его знаменитой серии «Сцены провинциальной жизни».

Французское слово rabouilleuse, происходящее от глагола rabouiller, не переводимо на русский язык. Оно означает буквально: женщина, которая мутит воду, чтобы ловить раков. Редакция сочла возможным дать русскому переводу пьесы заглавие «Хищница», что наиболее точно характеризует главный персонаж пьесы — Флору Бразье.

В сезоне 1935-36 г. «Хищница» была поставлена в Париже, в государственном театре «Французская комедия».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Филипп Бридо — полковник наполеоновской армии, в отставке.

Жан-Жак Руже — больной старик, богатый рантье.

Макс Жиле — майор наполеоновской армии, красивый мужчина, 35 лет.

Капитан Ренар

Капитан Потель

Майор Миньонэ

Генерал Карпантье

наполеоновские офицеры в отставке

Орсанто — слуга майора Жиле, корсиканец, б. солдат, 50 лет.

Куский — слуга Филиппа Бридо, поляк, б. солдат.

Жозеф Бридо — художник, брат Филиппа, 30 лет.

Борниш — пожилой крестьянин.

Флора Бразье («Хищница») — содержанка старика Руже, красивая женщина лет 30—35.

Агата Бридо — сестра Руже, мать Филиппа и Жозефа.

Вэди — служанка в доме Руже, 45 лет.

Действие происходит в доме Руже, в провинциальном городке Иссудэне, в 1824 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в стиле Людовика XVI, отделанная светлыми деревянными панелями. Слева на стене висят две запyleнные картины. В глубине, прямо, дверь, за которой начинается лестница в спальню Руже. Справа, на первом плане, стеклянная дверь, ведущая в столовую. На потолке — пятна сырости, панели испорчены. Дряхлая мебель. При поднятии занавеса Вэди прибирает. Внезапно входит Орсанто и яростно хлопает дверью.

Вэди. Ну, что? В чем дело, Орсанто?

Орсанто. Только что сцепился со служанкой мадам Ошон, со старой Гриттой. Эта длинная кляча грозила мне метлой...

Вэди. За что?

Орсанто. За маленького Ошона: вчера вечером я ему надрал уши.

Вэди. Что он вам сделал, этот малютка?

Орсанто. Вот в том-то и штука! Иду я по базарной площади, как вдруг меня увидел этот ма-

ленький Франсуа, который шалил с другими такими же сорванцами. Складывает руки рупором, вот так, и давай кричать: «Погоди, погоди! Скоро вас выпрут от старика Руже — и тебя и всех гадов»...

Вэди. Гадов! Он намекал на мадам?

Орсанто. Возможно. В три прыжка я его сцапал. Да, я задал ему, как следует... Он удрал с ревом. Издали он высунул мне язык и опять завопил: «Эй, ты, грязный корсиканец! Завтра с вами разделаются!»

Вэди. Что он хотел этим сказать?

Орсанто. Не знаю. Может быть, предупредить мадам?

Вэди. Пустяки!.. Не стоит ее волновать из-за этого сожляка... Стаканчик рома к вашему кофе, Орсанто?

Орсанто. Не откажусь. Сегодня с утра свежий ветерок...

Вэди. Ну, холод — это вам знакомо! Человек, который проделал русский поход...

Орсанто. Да, проклятый поход!

Вэди. Скажите, неужели это вправду было так страшно, как рассказывают?

Орсанто. О, мадонна! Страшно даже вспоминать. Однажды я почувствовал, что отморозил руки, — я страдал, как в аду. Не выдержал, бросил ружье, застонал и лег на снег — ждать смерти. Но тут майор Жиле поднял меня ударом ноги и набросил мне на плечи свою шубу. Знаете, Вэди, проживи я сто лет — я этого не забуду...

Вэди. Да, господин Макс — это прекрасное сердце.

Орсанто. Он был бы генералом, если бы Наполеон остался на троне, да, — генералом или дип-

ломатом, потому что он хитрее, чем Фуше. Разве это не позор, когда солдат, который тысячу раз побывал у смерти в глотке, проводит свою жизнь в Иссудэне, марая бумагу? Офицер — инспектором какого-то страхового общества! Ну и времена!..

Вэди. Действительно, для таких людей, как вы, привыкших колесить по Европе...

Орсанто. Да, мы мчались из Мадрида в Москву, из Неаполя в Вену, свободные, беззаботные, сражалась и распевая песни. А теперь обрастаешь мохом. Когда два года назад майор Жиле устроил меня кучером к господину Руже, я совсем было уже решил двинуть на Восток... Служил бы я себе в армии у греков или там у турок — в общем у тех, кто бы меня нанял... Ну, ладно, хватит об этом... Пойду купить уздечку для Коко. Господин Руже посылает меня в Шатору, к своему нотариусу.

Стучат.

Вэди. Войдите.

Входит Борниш.

Орсанто (*выходя*). А, здравствуйте, папаша Борниш!

Борниш. Здравствуйтесь... Здравствуйтесь, Вэди.

Вэди. Что вам нужно, Борниш?

Борниш. Мне бы повидать господина Руже...

Вэди. Он еще не вставал.

Борниш. Все-таки мне бы нужно с ним поговорить...

Вэди. Приходите попозже.

Борниш. Видите... весь божий день он со своей... мадам, а я... я хочу повидать его с глазу на глаз...

Вэди. Дела?

Борниш. Дела! Понимаете, Вэди, со мной случилась беда: я разорился.

Вэди. Вы?

Борниш. Разорен... да... Вы ведь знаете, что есть в Иссудэне целая шайка каких-то неизвестных мерзавцев, которые по ночам делают людям всякие пакости...

Вэди. Знаю ли я, Иисусе?! Только на прошлой неделе они засунули снопы соломы, просмоленную бумагу и петарды в камин мадам Вилат...

Борниш. Я-то знаю, на кого мне думать...

Вэди. На кого?

Борниш. Не могу пока сказать, оттого что я еще не уверен. Но терпенье... Представьте себе, Вэди, купил я тысячу мешков зерна. Запер я их в старой церкви Капудинов. Запер — и отправился объезжать крестьян в окрестности. Возвращаюсь — и что же я вижу? Мешки распороты, зерно высыпалось на пол, разбросано, раздавлено, подмочено. А в крыше отверстие, как этот стол, и через него падал дождь. И со всех сторон бегают, прыгают, летают, скачут крысы, голуби, белки, полевые мыши, которых напустили сюда, чтобы они пожирали мое добро...

Вэди. Боже милостивый, возможно ли это?!

Борниш. Да, Вэди... И вот после таких дел я беднее, чем Иов...

Вэди. Тогда... как же вы заплатите по расписке, которую вы дали хозяйну?

Борниш. Вот то-то и оно... срок ей выходит только через два месяца, но я хочу предупредить уже сейчас, — я честный человек.

Вэди. Скажите об этом мадам...

Борниш. Рыбачке... Мадам Бразье? Нет.

Вэди. Он ничего не делает, не посоветовавшись с ней. Вы это прекрасно знаете.

Борниш. Нет.

Вэди. В сущности, она не злая... Хотите, я сама ей скажу?.. Если она узнает, что вы видели господина Руже по секрету, она разобидится. Лучше уж вам обратиться прямо к ней. Пойду сказать ей, что вы здесь.

Борниш. Что же, если вы так думаете...

Вэди (*открывает дверь в комнату Флоры*).
Мадам, мадам!

Флора. Ну, что?

Вэди. Здесь старик Борниш.

Флора. Что ему нужно?

Вэди. Он пришел насчет своей расписки.

Флора. Пусть зайдет в срок, 2 декабря.

Вэди. Да в том-то и дело, мадам...

Флора. В чем? Он не сможет заплатить? Что ж, с него взыщут. А вас я научу не болтать, как со-рока...

Борниш. Но позвольте...

Флора. Закрой дверь, Вэди.

Вэди. Мадам...

Флора. Закрой дверь!

Вэди (*закрывает дверь*). Что вы говорите?

Борниш. А, проклятая порода! Теперь я знаю, кто выкинул со мной эту штуку, теперь я понимаю!

Вэди. Что вы сказали о мадам?

Борниш. Погубить бедного человека вроде меня, разорить его ради какой-то гнусной девчонки...

Вэди. О, замолчите, Борниш!

Борниш. Я-то ее хорошо знаю! Я видел ее еще девочкой, лет двадцать назад, когда она ловила ра-

ков в реке, чуть не нагишом... Когда она пугала бедных тварей большой веткой, чтобы они шли в сетку старика Бразье, когда она мутила воду. Что, правда это или неправда?

Вэди. Ну и что из этого?

Борниш. И я видел, как ее принял сюда, бог его знает с какими намерениями, отец господина Руже — доктор. Это был испорченный человек... Она пришла сюда без башмаков, рыжая, нечесанная, в дрянной дырявой юбчонке, — сквозь нее можно было видеть кожу... И вот теперь она строит из себя госпожу, хозяйку дома!.. Она, видно, считает, что все деньги — ее...

Вэди. Отчего бы и нет?

Борниш. Пусть подождет хотя бы, пока умрет старик. Да еще может статься, что тогда родственники Руже — его сестра, племянники — возьмут ее за руки и выбросят вон из дома...

Вэди (*пожимает плечами*). Сестра господина Руже в Париже.

Борниш. Париж уж не так далеко от Иссудэна, судя по тому, что я слышал еще сегодня утром...

Вэди. Пока что, уберите вон.

Борниш. Ладно, я ухожу. Пусть она наслаждается, ваша Рыбачка! Пусть себе хозяйничает у этого старого дурня Руже, — она ему уже показала всякие виды...

Вэди. Замошчите, все это выдумки. И убирайтесь-ка побыстрее!

Борниш. О, мы знаем то, что мы знаем. Известно, для чего ходят сюда некоторые красавчики, — верно не для того, чтобы поиграть в карты с папашей Руже. Знаем тоже, что чуть затрешь эту прекрасную даму, как на твою спину обруши-

вается чья-то скрытая месть. Мы понимаем, кто покровитель вашей Рыбачки.

Входит Макс Жиле.

Макс. О чем это вы рассказываете, папаша?

Борниш. О, ничего, господин офицер, ничего. Я пришел поздороваться с господином Руже, но его нет, и я ухожу. До свиданья, Вэди... *(С порога)* Кланяйтесь мамзель Флоре! *(Уходит)*.

Макс. Где мадам?

Вэди. У себя в комнате.

Макс. Попросите ее выйти сюда, мне нужно с ней поговорить.

Вэди *(открывает дверь)*. Мадам! здесь господин майор Жиле...

Флора. А, я иду, я иду...

Макс *(к Вэди)*. Где господин Руже?

Вэди. У себя наверху.

Флора *(входит)*. Здравствуйте, майор.

Макс. Здравствуйте, мадмуазель.

Флора. Вэди, снеси завтрак барину.

Вэди. Да, мадам.

Вэди уходит. Макс и Флора обнимаются.

Флора. Здравствуй, мой Макс.

Макс. Здравствуй, моя Флора.

Флора. Что ты делал сегодня ночью?

Макс. Спал, как убитый, и даже снов не видел.

Флора. Это правда? Ты не был у какой-нибудь женщины?

Макс. Нет, мой зверек.

Флора. Так и знай: если ты меня обманешь, я выдарапаю тебе глаза. Как это досадно, что ты живешь на другом конце города!

Макс. Добейся у старика, чтобы он дал мне комнату наверху.

Флора. Он стал бы подозревать нас, если бы я его попросила...

Макс. О, пять лет тому назад, когда я вернулся сюда, он сам мне говорил: «Мой маленький Макс, мой отец был твоим крестным: мой дом — твой дом. Приходи, когда хочешь».

Флора. Да, но с тех пор... Теперь он что-то почувл... Уверю тебя... Так сегодня ночью ты не шалил с приятелями?

Макс. Нет, но я обдумываю хороший трюк для папаши Борниша, который позволяет себе болтать на наш счет. Он мне за это заплатится. Это будет замечательный фарс, который сведет его с ума...

Флора. Неужели вас могут забавлять те шалости, какие ты проделываешь вместе с Потелем, Ренаром и прочими «Рыцарями безделья»?

Макс. Приходится чем-нибудь себя занимать. Досадно, конечно, когда ребята, которые были бы сегодня генералами, если бы царствовал Наполеон, вынуждены убивать время и разыгрывать по ночам дураков-штафирок...

Флора. Генерал!.. Ты был бы так хорош в генеральской форме! Но тогда бы я тебя не знала...

Макс. О, если бы только при демобилизации, после Ватерлоо, мне оставили чип и дали бы крест, который мне император обещал! Но герцог де Фельтр, этот бурбонский лакей, лишил меня и того и другого. А я заслужил крест — ты можешь мне поверить — и в Португалии, и в плену, в пловучей тюрьме, где я пробыл три года. О, эти понтоны!

Флора. Ты такой смелый, мой Макс!

Макс. Да, в те времена у меня еще были крепкие крылья.

Вэди проходит через комнату с подносом — завтрак для Руже.

Но я не болтать пришел. Скоро спустится старикашка. Будем говорить кратко и тонно. Мне сказали, что нотариус Пьерон потерял сто тысяч франков на одном деле. Как он вообще? Устойчив?

Флора. Я получила о нем хорошие отзывы.

Макс. Вклады Руже в безопасности?

Флора. Да.

Макс. Все-таки я был бы спокойнее, если бы капитал старика не был разбросан по двадцати нотариусам. Лучше поместить его в государственную ренту. Сколько он имеет у нотариусов?

Флора. Почти два миллиона и пятьсот или шестьсот тысяч франков в землях, фермах, домах...

Макс. Надо добиться, чтобы он подписался на государственную ренту. Подписался на твое имя. В случае... несчастья... мы могли бы реализовать эту сумму за двадцать четыре часа.

Флора. Руже этого не хочет...

Макс. Какие же он приводит резоны?

Флора. Что я, мол, получу весь капитал после его смерти.

Макс. Ему только шестьдесят лет!

Флора. Но выглядит он на все семьдесят.

Макс. Он может так протянуть еще лет десять.

Флора. Пустяки. Я его поставлю на огонь! Ах, если бы мы могли уехать в Париж, вдвоем...

Макс. Ты это спишь и видишь.

Объятия.

Орсанто (*быстро входит*). Я вас искал, майор.

Макс. Что случилось?

Орсанто. Сестра господина Руже в Иссудэне.

Флора. Как!

Макс. Кто, какая сестра?

Флора (*грозит кулаком по направлению комнаты Руже*). А, изверг!

Макс. Откуда ты узнал?

Орсанто. Новость ходит по городу. Мать и сын приехали вместе вчера вечером и остановились вот здесь, напротив, у господина Ошона...

Флора. О, это мадам Ошон написала, чтобы они приехали!

Макс. Это все, о чем тебе рассказывали?

Орсанто. Да.

Макс. Пойди сейчас прогуляйся на Рыночную площадь, постарайся собрать еще сведения и передашь их мне в кафе — там я буду тебя ждать.

Орсанто уходит.

Флора. Да, это паршивая старуха Ошон швырнула их нам в ноги...

Макс (*размышляет*). Возможно.

Флора. Очень может статься, что Руже был предупрежден... О, если бы только я это знала, я бы спела ему такую арпию!..

Макс. Замолчи.

Флора. Но...

Макс. Дай мне обдумать.

Пауза.

Мадам Бридо... Ее ведь зовут мадам Бридо? Сколько времени, как она покинула Иссудэн?

Флора. Сорок лет.

Макс. Почему она уехала?

Флора. Покойный доктор Руже не любил ее. Он думал, что его жена — она была красивая баба — обманывала его и что малютка родилась от другого... Возможно.

Макс. Это не плохо...

Флора. После смерти жены доктор отправил свою дочку в Париж к каким-то друзьям или дальним родственникам.

Макс. Она никогда не возвращалась в Иссудэн?

Флора. Нет, никогда.

Макс. Выходит, что она уже сорок лет как не видела брага?

Флора. Да.

Макс. Они переписывались?

Флора. Нет, я в этом уверена.

Макс. У мадам Бридо двое сыновей?

Флора. Да, один — военный, офицер, а младший — художник.

Макс. Надо узнать, кто из них сопровождает мать. Потом мы справимся о цели приезда.

Флора. Об этом не так трудно догадаться.

Входит Вэди.

Вэди. Вас зовет господин Руже, мадам.

Выходит.

Флора. Чтобы помочь ему одеться! Погоди минутку, я его встряхну!..

Макс. Ничего подобного. Кротко, как овечка. Осторожность! Видишь ли, моя девочка, при каждой дуэли, прежде чем атаковать, нужно прощупать клинок противника и разгадать его игру. Если эти втируши придут сюда, будем любезными...

Флора. Любезными?

Макс. Для начала. Потом мы посмотрим. Я об-
думаю, каким способом избавиться от них без шума.
Пойди к Руже — и, пожалуйста, никаких нергов,
никаких криков и сцен... Любезность. Еще раз лю-
безность, всегда любезность. Вот тебе босвой приказ,
слышишь? (*Целует ее*).

Флора уходит к Руже. Макс берет шляпу. Входит капи-
тан Ренар, слегка навеселе.

Ты меня ищешь, Ренар?

Ренар. Да, Орсанто сказал мне, что я найду
тебя здесь. Ах, старина... (*Замечает бутылку
рома*). Послушай, угости-ка меня стаканчиком рома.
У меня страшная жажда.

Макс (*кричит*). Вэди, стакан!

Ренар. Мы с Потелем играли в карты до двух
часов ночи. Выдули литр коньяку. Когда я встал,
у меня даже волосы болели... Захотелось воды.
А в комнате было темно, — ну, я и проглотил не-
чаянно графинчик водки. О, какая жажда! (*Пьет*).
Теперь лучше...

Макс. Что тебе нужно?

Ренар. Мне? Ничего. Ах, да! Мой бедный ста-
риан, значит монета папаши Руже — того?..

Макс. Э?

Ренар. Лопнуло! Тебя обобрали, обштопали.
Сестра Руже уже здесь со своим сыпом. А ведь этот
Бридо — старый воробей...

Макс. Ты его знаешь?

Ренар. Знаю ли я Филиппа? Еще бы! Чорт по-
дери, и с чего бы это у меня такая жажда? (*Нали-
вает себе*).

Макс. Где ты с ним познакомился?

Ренар. С полковником Бридо? В кафе «Лам-

блэн», в 1816 году. Бурбоны его демобилизовали с половинной пенсией. Уволили парня, который заработал себе крест в битве при Монтеро и розетку Почетного легиона при Ватерлоо, который был личным ординарцем у Наполеона! Филипп скучал. Я — тоже. И вот, в тысяча восемьсот семнадцатом, мы удрали в Соединенные штаты к генералу Лалеману, чтобы участвовать в организации лагеря — убежища для бывших наполеоновских солдат. Ах, старина! какое это было жульничество! Мы там спустили все свои сбережения. Мы подыхали от жажды. Платили за воду для питья — ты слышишь? — за воду! Ей-богу! Из Техаса мы подались в Нью-Йорк. В кармане — ни полушки, а жрать надо. Если бы ты видел Бридо в этих обстоятельствах: ве-ли-ко-ле-пен! Он играл в баккара и регулярно выигрывал свои три золотых. Но тут, видишь ли, загорелась как-то ссора между игроками. Филипп свалил одного ударом кулака, а другому закатил оплеуху. Тому пришла в голову несчастная мысль — послать к Филиппу своих секундантов: ну, Филипп распорол ему брюхо сабельным ударом...

Входит Вэди и начинает уборку.

Макс. А как он вернулся во Францию?

Ренар. За дорогу заплатила его мать — отличная женщина, она готова всю кровь свою отдать ради Филиппа.

Макс. И ты больше с ним не встречался?

Ренар. Как же, в Париже четыре года тому назад. Он жил с некоей Мариэттой, танцовщицей в Опере. Эта девка стояла ему здорово! Был он в ту пору кассиром в газете. Ну, сделал растрату. Пришлось мамаше пополнить кассу.

Макс. Чорт подери! Полковник Бридо — очаровательный человек.

Ренар. Что надо!

Макс. Но такой дэнди, привыкший к танцовщицам, соскучится в Иссудэне. Придется облегчить ему возвращение в Париж. Могут ли я рассчитывать на друзей?

Ренар. О, ты только не пытайся затевать с ним ссору. Этому молодчику мы с тобой оба — на один зуб.

Макс. Все будет деликатно. Я знаю, как надо обращаться с ординарцем императора... И к тому же...

Входят Агата Бридо и Жозеф.

Жозеф (*очень вежливо, со шляпой в руке*). Простите, господа, здесь живет господин Жан-Жак Руже?

Макс. Да, сударь.

Жозеф. Можем ли мы его увидеть?

Макс. Разумеется.

Жозеф. Я его племянник.

Макс (*поражен*). Полковник Бридо?

Жозеф. Мой брат в Париже. Я — Жозеф Бридо.

Макс (*с довольной улыбкой*). Художник?

Жозеф. Да, сударь.

Макс. Вэди, доложите господину Руже, что его хочет повидать его племянник, господин Жозеф Бридо.

Вэди выходит.

Ваш брат собирается присоединиться к вам в Иссудэне?

Жозеф. Мой брат... его задержали в Париже... дела...

Макс. Я был бы счастлив с ним познакомиться. Как и он, я служил императору. Я — майор Макс Жиле.

Агата. А!

Макс. Вашему дядюшке угодно оказывать мне некоторое внимание. Его отец был моим крестным... Надеюсь, сударь, что мы с вами еще увидимся. Для меня было бы большим удовольствием стать одним из ваших друзей (*раскланивается*). Мадам! (*Кланяется Агате*) Ты идешь, Ренар?

Ренар (*уходя*). Пойдем в кафе — я умираю от жажды.

Вышли.

Агата. Так вот каков этот господин Жиле...

Жозеф. Красивый парень. Внешность у него соответствует профессии... Как ты взволнована, бедная мамочка!

Агата. Подумай, снова очутиться в этом доме, спустя сорок лет!

Жозеф. Нам следовало оставаться в Париже. Это тяжелое и дорогое путешествие и, вдобавок, совершенно бесполезное.

Агата. Нужно спасти Филиппа.

Жозеф. Какой разбойник! Сперва он разорил тебя, а теперь еще вынуждает тебя унижаться.

Агата. Нет ничего унижительного в том, чтобы попросить помощи у собственного брата. Он нам ее окажет. Если бы это было нужно, я приползла бы сюда на коленях...

Жозеф. Мы уедем отсюда с пустыми руками: мы не умеем кланяться. Мы здесь теряем попусту время. Мне так хорошо работалось в Париже! И я должен был все бросить. Чорт бы побрал этого Филиппа!

Агата. Мы должны быть верны ему.

Жозеф. Вот уже десять лет, как мы только это и делаем. Хорошо, если бы он еще заслуживал нашей заботливости. Но мой братец — это прекрасный образец того, чем становится бесцеремонный солдат, выброшенный в мирную жизнь...

Агата. Не будь Бурбопов, Филипп стал бы генералом, быть может, маршалом...

Жозеф. Да, а не то и королем, как Бернадот или Мюрат? Но в частной жизни он тот... каким ты его знаешь... Когда я подумаю, что этот шут постоянно жил на паш счет, что он воровал у меня мои жалкие гроши, что он уморил тетку Дэкуэн, проиграв ее деньги в притонах, что он вместо того, чтобы снова поступить на службу...

Агата. После того как он служил императору, он не мог служить Бурбонам. В этом и заключается гордость, сын мой. Такие убеждения делают честь Филиппу. И если бы даже он в чем-либо провинился перед нами, сейчас надо забыть об этом; он в несчастии...

Жозеф (*целует ей руки*). О, мама, ты такая мать, как Рафаэль — художник. И ты всегда остаешься наивной матерью...

Флора (*входит*). Мадам, господин Руже сейчас выйдет. Пожалуйста, извините его, что он заставил вас ждать. Бедный старичок стал не очень-то проворным. Почему вы стоите, мадам? Присядьте, сударь (*Подвигает Агате кресло и выходит*).

Жозеф (*следит за ней глазами*). Какая красивая женщина!

Агата. Рыбачка?

Жозеф. Совсем как мадмуазель Жорж.

Агата. Это кто? Одна из твоих натурщиц?

Жозеф. Нет, мама, — это знаменитая актриса из театра «Французская комедия».

Агата. Как ты можешь восхищаться женщиной, которая украла у тебя наследство?

Жозеф. Да, но какое тело! Какие изгибы! Какие округлости! Плечи... Это изумительная картина. Она могла бы позировать для Тициановой Венеры.

Входит Руже, сторбленный, старый. Молчание, смущение.

Агата. Ты не хочешь меня поцеловать?

Руже (*растроганно*). Да, да, да! Я так счастлив... Так это мой племянник?

Жозеф. Да, ваш племянник Жозеф. Не очень красив, правда?

Руже. Вы позавтракаете с нами?

Агата. Но я... Мы остановились у моей крестной, у мадам Ошон...

Руже. Ты пойдешь и скажешь крестной, что ты завтракаешь здесь. Садись же.

Усаживаются. Вэди наблюдает за ними издали.

Жозеф. О, дядя! Что это у вас?

Руже (*встревожась*). Что у меня?

Жозеф. На стене.

Руже. Это картина...

Жозеф. Но, дядюшка, боже мой! Откуда вы это взяли?

Руже. Должно быть, мой отец купил ее во время Революции. Тогда по церквам конфисковали много картин. У меня есть еще другие, еще больше размером.

Жозеф. Где?

Руже. На чердаке.

Жозеф. На чердаке?!

Руже. Там их семь или восемь штук. Ты хочешь на них посмотреть?

Жозеф. Да, о да! Сию же минуту!

Руже. Вэди... Если они тебе понравятся, я их тебе отдам.

Жозеф. Мне? Вы мне их подарите, дядя?

Руже. Ну да. Вэди, проводи племянника на чердак. Покажи ему картины. Но только, Жозеф, нужно будет вынуть их из рам, потому что, видишь ли, рамы позолоченные...

Агата *(старается удержать сына)*. Жозеф!

Жозеф. Сейчас я вернусь, мама, сейчас...

Выходит с Вэди.

Руже. Почему ты не предупредила меня о своем приезде?

Агата. Я вынуждена была выехать внезапно.

Руже. Тебя привело в Иссудэн какое-нибудь важное дело?

Агата. Да.

Руже *(подозрительно)*. А!.. *(Пауза)*. Твои волосы побелели, но лицо не изменилось.

Агата. А ты, Руже, — ты был болен?

Руже. Вовсе нет.

Агата. Ты хорошо себя чувствуешь?

Руже. Прелестно. Но расскажи мне о Филиппе.

Агата. Филипп...

Руже. Что с ним?

Агата. Если бы ты знал... Бедное дитя!

Руже. Он болен, он слег?

Агата *(разражается слезами)*. Он в тюрьме.

Руже. В тюрьме? Мой племянник!

Агата. Из-за своей преданности Наполеону. Он

участвовал в заговоре против Бурбонов, его арестовали. Его будут судить... Суд палаты пэров.

Руже. Он заговорщик?

Агата. Против него нет улики. Есть только два человека, которые заявляют, что они подслушали разговор между бывшими офицерами... Они не могут с уверенностью опознать Филиппа. Достаточно было бы небольшой суммы...

Руже. Деньги?

Агата. Дерош — это наш адвокат, он занимается делом Филиппа — сказал мне, что можно купить их молчание. Но я напрасно старалась раздобыть сумму, которая нужна...

Руже. Разве Бридо ничего не оставил?

Агата. Мой муж умер тридцати восьми лет отроду, замученный работой, — тогда, когда его должны были назначить управляющим министерством внутренних дел. Он не имел состояния, мы жили на его жалованье...

Руже. Но... твоё приданое?

Агата. Нужно было воспитывать детей. Потом Филиппа уволили с половинной пенсией. Пришлось его содержать... Потом... он... он был... он затеял неудачные... спекуляции. Солдат ничего не понимает в делах... Я заплатила за него... пожертвовала своими последними сбережениями... Мой адвокат посоветовал мне совершить эту поездку, он говорит, что ты одолжишь мне... эти двадцать тысяч франков...

Руже. Двадцать тысяч франков! Откуда же я их возьму?

Агата. Ты богат.

Руже. Это все старуха Ошон, это она распускает такие слухи! Она меня ненавидит...

Агата. Послушай, Жан, наш отец обделил меня

ради тебя. После его смерти ни я, ни мой муж не захотели начать судебный процесс, хотя мы знали, что мое приданое далеко не составляет моей законной части. Отец лишил меня наследства в твою пользу. Он меня терпеть не мог...

Руже. Э?

Агата. День моего рождения был роковым и для мамы и для меня. Папа стал питать отвращение к нам обеим. А ты ведь знаешь, Жан, что наша мать была святая женщина и подозрения отца ни на чем не основывались. По справедливости половина состояния, которое он тебе оставил, принадлежит мне. Ты ведь любишь меня немножко, ты ведь любил меня, когда мы были детьми? Я помню, как однажды папа меня обругал. Я спряталась вон там, в уголке, я плакала. Ты пришел, чтобы меня утешить, и ты мне сказал: «Не надо плакать, сестричка. Раз папа тебя не любит, я стану любить тебя за двоих». Разве ты изменился? Нет. Так почему же ты хочешь покинуть меня в беде? Почему ты отказываешься мне помочь? Ведь ты свободен? Чего же ты боишься? Неужели ты не можешь располагать своим добром в пользу своей сестры, своих племянников, своей семьи, не советуясь с чужими?

Руже. Флора — не чужая.

Агата. Эта женщина, которую взяли в наш дом, теперь распоряжается в нем. Об этом говорят, я это вижу...

Руже. Говорят глупости.

Агата. Если бы ты женился на ней, по крайней мере! Раз уж ты захотел оставить ее у себя, так нужно было жениться. Тогда ты не жил бы так, как сейчас. Есть порядочные люди, которых твое поведение оскорбляет...

Руже. Я не хожу смотреть, что они делают у себя.

Агата (*пауза*). Хорошо, поступай, как тебе нравится. Но мне нужны эти двадцать тысяч франков, Жан... Если ты не можешь их подарить, дай мне их взаймы. Филипп вернет их тебе или же Жозеф, как только он продаст свои картины.

Руже. Мне хочется помочь тебе, но попроси меня о чем-нибудь другом.

Агата. Я умоляю тебя, сжался над нами, пожалей меня и Филиппа. Ты не допустишь, чтобы судили твоего племянника — полковника с орденом Почетного легиона. Если его оправдают, я заставлю его снова поступить в армию. Он сможет стать генералом. Подумай о том, что ты держишь в своих руках его свободу, его будущее, может быть, его жизнь и мою...

Руже. Я ничего не могу для вас сделать. Я должен с ней посоветоваться.

Агата. Разве не ты здесь хозяин?

Руже. Если я ее не спрошу, она может рассердиться...

Агата. Ну как что?

Руже. Она рассердится. Флора! Увидеть, что она сердится на меня! О, нет!..

Агата. Вот что сделала с тобой эта женщина!.. Если бы она хоть любила тебя...

Руже. А я тебе говорю, что она меня любит! Ты повторяешь то, что тебе уже успели наболтать злые языки... Бедняжке Флоре завидуют, потому что она пришла сюда босиком, а сегодня она — дама...

Агата. Ей не завидуют, но замечают за ней многие вещи...

Руже. Больному глазу и солнце кажется черным...

Агата. Здесь бывают люди, компрометирующие тебя...

Руже. Я никого не вижу, кроме нескольких оставшихся офицеров — хороших ребят, коллег Филиппа: капитана Потеля, капитана Ренара...

Агата. И майора Жиле... Он был здесь, когда мы пришли...

Руже. Это я попросил его зайти.

Агата. Ты просишь его приходиться каждый день?

Руже. Да.

Агата. Пожалуй, лучше было бы держать его подальше. Его присутствие в этом доме истолковывают в дурную сторону.

Руже. А?

Агата. Потому что... говорят... ты понимаешь... он молод, эта особа тоже молода...

Руже (*встает*). Все это враки, сплетни, сказки, которые придумывают, чтобы сделать мне больно...

Агата. Я не хотела тебя огорчать, Жан, — я тебе даю совет. Возможно, о мадмуазель Бразье говорят много неосновательного. И я думаю, что неправы те, кто утверждает, будто она хозяйка в этом доме. Но тогда зачем с ней советоваться? Зачем отказывать своей сестре, своему племяннику в сумме, которая...

Руже (*смущен*). Оставь меня одного. Но возвращайся поскорее. Мы поговорим позже... Быть может... Где Флора?... Да... приходи... мы посмотрим... Где же Флора?

Входят Жозеф и Вэди.

Жозеф (*радостно*). Я видел картины! Там их десять. Ах, мамочка, если бы ты знала! Женские портреты. Вот это плоть! Она словно трепещет. Она живет. Сейчас же напишу своему профессору. То-то он разинет рот...

Руже (*к Вэди*). Где мадам?

Вэди. У себя в комнате, я думаю...

Жозеф. Так вы мне их дарите, дядюшка?

Руже. Да, да. *(К Вэди)* Пойди за картинами.

Жозеф. Но они стоят денег...

Руже. Э, бери, бери их...

Агата. Жозеф, пойдем сказать мадам Ошон, что мы завтракаем у дяди.

Жозеф. Да, идем скорее... О, благодарю вас, дядюшка, спасибо! До скорого...

Агата и Жозеф уходят. Оставшись один, Руже начинает плакать. Направляется к дверям Флоры, но останавливается в нерешительности. Входит Флора. Руже, смущенный, боязливо отворачивается.

Флора *(пристально на него смотрит, догадывается, что здесь что-то произошло, и приступает прямо к делу)*. Что с вами?

Руже. Ничего...

Флора. Эта дама ваша сестра?

Руже. Да.

Флора. О чем она с вами говорила?

Руже. Так, ни о чем...

Флора. Тогда что же с вами?

Руже. Флора, послушай... если бы ты согласилась... если ты не против этого... мы сказали бы... господину майору, чтобы он больше не приходил... чтобы он приходил реже...

Флора. Ей-богу, мне безразлично, будет ли господин Жиле почевать здесь, или даже носа сюда не покажет. Не я пригласила его в этот дом. Но я хочу знать, почему мысль удалить майора забралась вам в голову как раз после визита вашей сестры? Что она вам рассказала? О, должно быть, она наболтала вам всяких историй о бедной Флоре! А ведь она только со вчерашнего вечера в Иссудэне...

Руже. Флора!

Флора. А может быть, вы с ней согласны? Может быть, я вам надоела и вы марочно вызвали ее из Парижа, чтобы помочь вам выбросить меня за двери? Я вас избавлю от этого труда, — я сама уйду из вашего сарая...

Руже. Но, Флора...

Флора. Эта святая невинность с опущенными глазами и с грустными манерами, должно быть, намекнула, что я вас не люблю, что я остаюсь с вамп только ради ваших денег. Так вот, я ухожу... Да. И я разорву ваше завещание и клочки его брошу ей в нос! Но я буду отомщена: не пройдет и трех месяцев, как вы обо мне пожалеете. Вы увидите, как она будет ухаживать за вами, когда вы заболите, — эта милая дама, которая сорок лет не приезжала в Иссудэн и никогда о вас не справлялась. О, как вас будут нежить, холить и лелеять! Как вам будут расточать нежности, которые вы так любите. Можете рассчитывать на это! Ждите, что для вас разыщут другую Флору, которая захочет вас, с вашими шестьюдесятью годами, вашими ревматизмами и болями. Что до меня, так ремесло сиделки мне опротивело...
Добрый вечер! *(Уходит, хлопнув дверью)*

Руже приоткрывает дверь и кричит.

Руже. Но... Флора... но, Флора! *(Его душит приступ кашля, он прислоняется к притолке)*

Флора *(за кулисами)*. Кашляй, кашляй, старый злодей! Сестра тебя вылечит.

Входит Флора; в руках шаль, шляпа, перчатки. Направляется к выходной двери.

Руже. Флора... Останься!

Флора. Нет!

Руже. Я больше не увижусь с сестрой.

Флора. Прежде всего, зачем она к нам приходила?

Руже. Она просила... она просила меня... и ничего ей не дал...

Флора. Что она у вас просила?

Руже. Двадцать тысяч франков.

Флора. Двадцать тысяч! Это что — шутка?

Руже. Мой племянник Филипп отдан под суд... за заговор. Надо подкупить двух свидетелей...

Флора. Деньги для заговорщика! Вы что же, хотите, чтобы вас арестовали?

Руже. Ты права, моя милая Флора, я не дам ей ни одного сантима.

Флора. О, делайте с деньгами все, что вам взбрет в голову. Ваши дела меня совершенно не касаются. Будь, что будет — я умываю руки... (*Надевает шаль*)

Руже. Не покидай меня, Флора, не покидай меня!

Флора (*идет к нему*). Что она вам рассказала? Вы не отвечаете? Это, значит, очень серьезно? Но мне кажется, что я имею право знать, почему меня выгоняют, как служанку. Я хочу это знать, я не уйду, пока мне этого не скажут...

Руже. Но ведь это ложь... сплетни...

Флора. Какие? По какому поводу?

Руже. Из-за майора... Находят, что он приходит... он и другие тоже... что они... слишком часто заходят к нам...

Флора. Итак, говорят, что майор Жиле — мой любовник, да? И вы этому верите?

Руже. О, нет... Флора!

Флора. Да, да, вы поверили. Будьте же откровенны. Вы верите этому... Это видно по тем мианам,

старый лицемер, которые вы строите, когда майор приходит сюда. Но если бы у меня была охота вам изменять, разве я стала бы дожидаться появления господина Жиле? За мной ухаживали, и не один, да! Мне сулили здесь золотые цепочки, там — золотые часики... «Моя маленькая Флора, если ты хочешь покинуть этого глупого папашу Руже...» — «Мне покинуть его? О, не так это просто! — отвечала я. — Что бы с ним случилось, ведь он у меня такой простодушный!..»

Руже. Да, Флора, ты у меня одна на свете.

Флора. Вы ни капельки не любите меня, бессердечный.

Руже. Я? Тебя!

Флора. Человек, который меня любит, защитил бы меня от грязных нападок.

Руже. Я это сделал.

Флора. Да, только чтобы не казаться простофилей. Но вы меня заподозрили.

Руже. Нет.

Флора. Да, да! Не лгите по крайней мере.

Руже. Видишь ли... ты молода... так что... неправда ли, если бы ты разлюбила меня... стала любить меньше... если бы у тебя зародилось чувство... это было бы простительно. Но я бы умер с горя... потому что я люблю тебя, Флора. Скажи мне хоть словечко. Я дурак, что поверил этим басням... Но ведь я не увижу больше Агату... не дам ей эти двадцать тысяч франков... Чего ты еще от меня хочешь?

Пауза.

Флора. Просите у меня прощения.

Руже. Прости меня.

Флора. Нет, не так.

Руже. Но...

Флора. Просите на коленях.

Руже. Но, Флора...

Флора. Что? Бойтесь, что кто-нибудь зайдет? Что ж, подумают, что вы обьясняетесь мне в любви... Это вас уже не может скомпрометировать, старое животное. *(Смотрит ему в глаза, как укротитель)* Ну, я так хочу!

Руже *(опускается на колени)*. Прости меня, Флора.

Флора. Вы больше не будете думать обо мне плохо?

Руже. Нет.

Флора. Вы не станете больше верить всем этим дурацким историям, которые обо мне рассказывают?

Руже. Я больше не буду им верить.

Флора. Правда?

Руже. Клянусь тебе.

Флора. Уверены ли вы, что я люблю вас по-настоящему?

Руже. Да.

Флора. Наконец-то! А вы, вы любите меня хоть немного?

Руже. О, да, Флора.

Флора. Как я наивна, что вам верю! Конечно же, вы опять меня обманули. Но я так слаба с вами...

Руже встает.

О, теперь надо исправить глупость и приостановить сплетни.

Руже. Но как это сделать?

Флора. Давайте поселим здесь майора Жиле.

Руже. Макса?

Флора. Ну да.

Жест Руже, взгляд Флоры.

Что?

Руже (опускает голову). Как хочешь...

Флора. Подумай, мышенок. Твоя сестра не упустит случая рассказать о вашем свидании, она станет хвастаться, что она, мол, открыла тебе глаза. Начнут болтать со всех сторон. А поселив у себя майора Жиле, ты заткнешь рот всем клеветникам. И, кроме того, нам нужен мужчина в доме. Ведь здесь всегда лежат тысячи. В одну прекрасную ночь нас зарежут, как цыплят. Если же узнают, что у нас живет солдат, храбрый, как Цезарь, никто не захочет рисковать попасться ему в лапы... Так решено, мой зайчик? Ты сейчас же предложишь комнату господину Жиле.

Руже. Да.

Флора. Еще одна вещь: нужно будет поместить твои деньги в государственную ренту. Ты способен наделать глупости. Подумать только: ты чуть быль не отдал двадцать тысяч франков своей сестре. Ты слишком добр и слишком слаб. Если я оглучусь на неделю, ты способен разориться из-за какого-нибудь нотариуса. Ты подпишешься на ренту... на мое имя...

Руже. На твое имя?

Флора. Чтобы твой капитал был в безопасности...

Руже. Но... я... нет... может быть... подождем...

Флора. Вы, однако, недоверчивы. Можно подумать, что вы невинны, как ягненок, который только что родился, а вы, оказывается, хитрее, чем старая лисица.

Руже. Ты получишь все мое состояние после

моей смерти, так как ты моя наследница. О ренте мы поговорим в другой раз. Сейчас у меня голова не работает... Я получил такой удар, когда ты только что рассердилась...

Флора. А я? Вы думаете, что ваши гадкие слова не огорчили меня? (*Садится к нему на колени*) Вы ведь знаете, что ваша маленькая Флора вас любит, что она — и ваша мать, и ваша жена, и ваша дочурка. Вот это ваша настоящая семья! Неправда ли, вы не будете ей больше противоречить, вы будете с ней ласковым-ласковым и на-днях поедете в Бурж к нотариусу, чтобы подписаться на ренту? Я ведь знаю, как за тебя взяться! Бывают такие моменты, когда ты ни в чем, ни в чем не можешь мне отказать... Правда, мой старый Жан, мой любимый, старый Жан? (*Целует его*).

Руже блаженно смеется. Входит Макс в сопровождении Орсаио. Он видит Флору на коленях у Руже.

Макс. За коим чортом вы меня звали, господин Руже?

Входит Вэди, усаживается и принимается за шитье.

Флора. О, у нас были такие переживания сегодня утром! Сестра господина Руже приехала в Исудэн. Ее сын, полковник, замешан в каком-то заговоре. Его будут судить в палате пэров, и мадам Бридо просила двадцать тысяч франков, чтобы заплатить двум лжесвидетелям. Потом она завела другую песснку. Она сказала господину Руже, что я фальшивая, корыстная, что я его не люблю, — она имела дерзость прибавить, что я слишком благосклонна к одному лицу, которое здесь бывает... К счастью, господин Руже — человек разумный, его трудно заста-

вить поверить в небылицы, и он даст хороший урок тем, кто приходит, чтобы клеветать на меня. Правда?

Руже (*с усилием*). Да. Вог... мой добрый... мой добрый Макс... Хочешь ты жить с нами?

Макс. Я?

Флора. Наверху. Там есть большая комната, где вам будет удобнее, чем в трактире.

Макс. О, в этом я не сомневаюсь!

Флора. Вы нам окажете услугу. Мы умираем от страха в этом доме. Правда, Вэди?

Вэди. О, да, мадам.

Макс. Что ж, если это может вам доставить удовольствие, я согласен.

Флора. А теперь надо выставить ванну сестру.

Руже. Но дело в том... я ее... пригласил к завтраку...

Флора. И вы ее посадите рядом со мной после того, как она выдумывала обо мне такие гадости?

Руже. Но, послушай...

Флора. Если только она здесь появится, я уезжаю немедленно.

Руже. Нет, нет! Но как же тогда...

Флора. Пошлите ей записку к мадам Ошон. Напишите, что вы нездоровы.

Руже. И я обещал своему племяннику... те картины, которые лежат на чердаке... Картины, но без рам...

Вэди. Ваш племянник, сударь, говорит, что эти штуковины стоят денег...

Макс. Стоят денег?

Вэди. Тысячи.

Флора. Да, подумашь...

Вэди. Мадам, послушайте, он танцевал перед этими старыми пыльными полотнами, как тот царь из

священного писания, что спятил. Он ругался, как язычник. И он говорил все время о каком-то Рем... Рем... Ремпаре...

Макс. Рембрандте?

Вэди. Да, да, сударь, совершенно верно.

Макс. Рембрандты... Чорт подери! Их нельзя ему отдавать.

Руже. Но ведь рамы я сохраняю.

Макс. Э, ценится живопись!

Вэди (у окна). Сударь, сударь! Вот они опять.

Руже. О, боже мой!

Флора. Отправьте их обратно.

Руже (Флоре). Может быть, ты их примешь?

Макс. Э, господин Руже, вы сами должны им отказать от дома...

Руже. Ты так думаешь?.. Только не покидайте меня.

Входят Агата и Жозеф. Руже окружают Флора, Макс, Орсанто и Вэди.

Жозеф. Вот мы и вернулись, дядюшка. Я окажу честь вашему завтраку, предупреждаю вас.

Руже (под настойчивым взглядом Флоры). Жозеф... я очень сожалею... но мы... мы не будем завтракать...

Жозеф. А почему?

Руже (заикаясь). Ваша мать... нанесла только что... она сказала... об одной особе... которую я... живые вещи...

Агата. Жан!

Руже. Мы не... не можем... мы не можем больше встречаться...

Агата. Но мой Филипп...

Руже. У меня нет денег.

Агата. О, брат, ты губишь Филиппа!

Макс (иронически). Успокойтесь, мадам. Пол-

ковник Бридо, если только мне правильно нарисовали его портрет, — это парень, который отлично сумеет и сам выкрутиться. Что касается вас, молодой человек, то зубы у вас длинные и вы слишком скоро хотите слопать наследство доброго папаша Руже Рембрандты! Мы, правда, не парижане, но нас не так легко обмануть, как вам кажется. Мы знаем цену Рембрандтам!

Жозеф (уязвленный). Вам остается пожелать, чтобы мой брат не был оправдан и чтобы он никогда не узнал об оскорблении, которое нанесли его матери. Пойдем, мама!

А г а т а. Жозеф...

Жозеф. Идем! *(Уводит ее)*

Макс (к Руже). Вот и все. Никакой особенной хитрости.

Р у ж е подавленный падает в кресло.

В э д и. Что с вами, сударь?

Ф л о р а. Что вас так разобрало?

Макс. Да у вас руки совсем ледяные!

О р с а н т о *(К Вэди).* Дайте ему стакан вина с сахаром.

В э д и. И зачем допускать себя до такого состояния!..

Ф л о р а *(дает ему свой платок).* Возьмите. Это вам принесет облегчение, это лежало у меня на сердце.

Р у ж е *(после паузы, вполголоса).* Лишь бы его осудили!..

Макс. Кого? Полковника? Вы его бонтесть? Будете спокойны, папаша Руже! С сегодняшнего дня я беру вас под свою защиту. Если ваш разбойник-племянник вздумает явиться, то ему придется обратиться отсюда скорее, чем он пришел, а не то он будет иметь дело со мной.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, но обстановка изменилась с того времени, как в доме поселился Макс. Большой стол, стоявший посредине, передвинут к окну. Слева маленький столик, за которым при поднятии занавеса Потель и Макс играют в карты. По стенам — военные трофеи, привезенные Максом, чубуки, гравюры, изображающие Наполеона, короля римского и т. п.

Потель и Макс курят и пьют чай, напевая за игрой.

Макс. Черви!

Потель. Беру. *(Размышляет, напевая)*

Макс. Ну, Потель, твой ход.

Потель. погоди... *(Насвистывает)* Бубна...

Макс. Есть! *(Берет взятку)* Бубна!

Потель. Беру. Козырь!

Макс. Ой!

Потель. И черва.

Макс. Goddam!

Потель. Ладно! Не ворчи.

Макс. Вэди, дайте пива.

Потель. И сигар. Принесите нам коробку.
(Берет карты) Мне сдавать.

Макс. Да, да, сдавай.

Пока Вэди приносит пиво и сигары, Потель тасует карты. Напекает. Макс насвистывает. Потель сдает, оба изучают свои карты. Песенки.

Ника!..

Потель. Моя! Ты видишь, я побил козырем, трефовой восьмеркой.

Макс. Хорошо, хорошо... Ходи.

Потель. Король червей.

Макс. Вот свинство!

Потель. У тебя нет козырей?

Макс. Нет у меня ничего.

Потель (делает ход). Козырь, козырь и козырь!

Макс. Чертовщина!

Потель. С тебя золотой.

Макс. Я больше не играю. Тебе везет, как рогоносу.

Потель. Увы, нет. Брось! Не строй такую татарскую рожу. Что для тебя золотой, когда ты уж два месяца живешь здесь, не вынимая кошелька, сытый, обласканный, счастливый, как султан. И везет же тебе! Прекрасный дом, великолепная женщина — она действительно великолепна. Как ей к лицу ее имя: Флора — богиня садов... Я так и вижу ее с корзиной цветов на плече и в развевающейся юбке. Мне бы такую любовницу! Да где ее взять в этой собачьей стороне?

Макс. В Шатору. В Бурже.

Потель. Уже искал: никого, кроме бездушных

девок, не способных любить тебя ради тебя самого. А что касается того, чтобы им платить, то я еще не забыл традиций нашего славного мундира, — никогда я не тратил на женщину и полунки. Я живу, как монах. И подумать только, что каких-нибудь десять лет назад на каждом привале у нас была новая красотка в постели! А здесь не встречаешь никого, кроме старых кляч, сожженных солнцем... Да, кстати о встречах! У меня была очень курьезная встреча третьего дня.

Макс. С женщиной?

Потель. Нет, с мужчиной. Был час пополудни. Прежде чем вернуться в магазин к брату, где я отмериваю сукно, вышел я на дорогу в Тиволи — выкурить сигару. Люблю этак помечтать среди природы... Бреду себе спокойно, как вдруг слышу выстрелы. Поднимаю нос и вижу на самой середине дороги верзилу с парой пистолетов, который забавляется тем, что всаживает пулю за пулей в пень. Он меня заметил, сунул пистолеты в карман, прошел мимо, не поклонившись, и отправился в Иссудэн, насвистывая «Маленького капрала». Что это может быть за тип?

Макс. Понятия не имею. Пожалуй...

Флора (за кулисой). Нет, нет... Пустите меня! Оставьте меня... (Входит)

Потель. Что с вами, прекрасная Флора?

Флора (с отвращением). О, этот старик!..

Потель (смеется). А, так папаша Руже захотел пошалить? Как вам нравится этот добрый старичок с его любовными стремлениями? Фуй! Такое прекрасное тело создано не для того, чтобы биться в морщинистых руках. Это циклоп Полифем, преследующий нимфу Галатею.

Флора. Капитан, скоро два часа.

Потель. Проклятье! Да... без пяти два. Бегу. (Максу) Итак, через три дня, 2 декабря, после обеда здесь будет встреча?

Макс. Да, Руже поставит нам пуиш и шампанского, чтобы отпраздновать годовщину коронации Наполеона.

Потель. Значит, наденем форму. Кто будет?

Макс. Мипьонэ, капитан Ренар и генерал Карпантье.

Потель. Я не очень-то люблю этого старого утенка.

Макс. Его нельзя не позвать...

Потель. До свиданья. Пойду просиживать зад в свою лавочку, после того как сражался при Ваграме и Эслингене! Хотя бы еще заходили хорошенькие женщины! До свиданья, мадмуазель, до свиданья, Макс! (Уходит)

Флора. О, с меня хватит! С меня довольно такой жизни! Этот старик внушает мне отвращение, я хочу принадлежать только тебе...

Макс. Но успокойся, дорогая, будь же рассудительной!

Флора. Если он подпишется, наконец, на ренту и положит ее на мое имя, я уезжаю. А с остальным капиталом пусть делает, что хочет.

Макс. Ну, конечно, моя маленькая Флора, разумеется.

Флора. Я хочу в Париж. Я не желаю провести всю свою молодость в этой дыре.

Макс. Мы отправимся в Париж — это решено, ты прекрасно это знаешь. Но только для этого...

Флора. Для этого нужно, чтобы он подписался на ренту. В том-то и дело.

Макс. Акт уже готов.

Флора. Да, вот уже шесть недель. Сколько потребовалось трудов, чтобы убедить его написать нотариусу в Бурж! Теперь, когда это сделано, он со дня на день оттягивает поездку. Было назначено на 2 декабря, но он надумал угостить вас в этот день шампанским. Все это предлоги, — он не подпишется.

Макс. Подпишется. С помощью маленькой дипломатии мы все-таки затащим его к нотариусу. Пока ты волновалась без всякой пользы, я раздумывал. И вот что я изобрел. В последний раз...

В этот момент дверь отворяется, и входит Филипп Бридо. Длинный сюртук, сапоги с отворотами, розетка Почетного легиона, трость, длинные усы, медный цвет лица, лысина.

Филипп. Господин Руже дома?

Флора. Господин Руже?

Филипп. Я желаю его повидать, я знаю, что он у себя.

Флора. Но... сударь...

Филипп. Я хочу видеть своего дядю.

Макс. Простите, сударь, а кто вы такой?

Филипп. Полковник Филипп Бридо.

Макс и Флора (вместе). Полковник Бридо!

Филипп. Ну?

Флора. Но... господин Руже... отдыхает...

Филипп. Разбудите его.

Флора. Но... господин Руже не любит, чтобы...

Филипп. В конце концов, могу я или нет увидеть своего дядю? Что он под замком или на свободе?

Флора. Если вам угодно... зайдите еще раз... сегодня вечером...

Филипп. А почему бы не через восемь дней? Слушайте: я иду выкурить сигару на площадь Сен-Жан. Если к моему возвращению дядя не будет здесь, если мне будут отказывать в том, чтобы его повидать, я заставлю потанцевать немало народа! Добрый вечер!

Выходит, хлопая дверью. Пауза.

Флора. Так...

Макс злобно насвистывает.

Откуда он взялся?

Макс. Ты ведь знаешь, что его оправдали и отдали под надзор полиции. Но какого чорта его выслали в наш город?

Флора (*опустила голову на руки*). Ты видел его глаза?

Макс. погоди, не будем увлекаться, поразмыслим. С какого времени... Ну да, мне же рассказывал Потель. Этот верзила, который упражнялся из пистолета, это был он...

Флора. Он стрелял из пистолета?

Макс. Да, на дороге в Тиволи. Значит, он уже несколько дней в Иссудане. Старик никуда не выходил вчера или позавчера?

Флора. Ни вчера, ни третьего дня.

Макс. Они не виделись. Почему же он не явился к своему дяде, как только приехал? Почему он показался только сегодня? Почему он решил, что ему уже необходимо начать кампанию? За эти дни не произошло ничего такого... Постой, постой! Не узнал ли он, что Руже собирается подарить тебе ренту?

Флора. Я об этом никому ни словечка не говорила.

Макс. В таких проклятых городишках все известно. К тому же он знает старика Ошона, а тот дружит с нотариусом. Да, да, теперь я понял: полковник решил появиться, чтобы помешать своему дядюшке подписаться на ренту на твое имя.

Флора. А тот и не думает этого делать.

Макс. Мы имеем дело с парнем, который готов к атаке... Он кричит, как осел... это может повлиять на нашего старика.

Флора. Через пять минут он вернется.

Макс. О, мы не станем ему мешать повидаться с дядей. Если мы запрем двери, он влезет через окно... Но мы... мы можем... да... я еще колебался, применить ли средство, которое я придумал, чтобы заманить Руже в Бурж... Приезд этого паршивого пса заставляет меня решиться...

Орсанто (*входя*). Майор, знаете ли вы человека, который прогуливается на площади с каким-то типом с прилизанными волосами?

Макс. Это полковник Бридо.

Орсанто. А, вы уже знаете?

Макс. Да, а откуда тебе известно?

Орсанто. Только что я заходил в кафе. Там был этот штатский — длинный, рыжий парень. Он ординарец полковника Бридо, поляк, который приехал с ним в Иссуээн. Он был с Франсуа, старшим сыном Ошона...

Макс (*Флоре*). Ты видишь!

Орсанто. Франсуа, как только меня заметил, толкнул локтем поляка и зашептал ему в самое ухо. А тот стал глядеть на меня в упор и заговорил очень громко, что, мол, его хозяин не такой чело-

век, чтобы позволить... жуликам украсть его наследство, что он замечательно стрелит, что он сумеет освободиться от людей, которые ему мешают...

Макс (*подумав*). Ты знаешь, где живет майор Миньонэ?

Орсанто. Рядом, на Винодельческой улице.

Макс. Ступай к нему и попроси его заложить свой кабриолет. Потом ты оседлаешь Тарквиния... И ты будешь ждать меня возле трактира.

Орсанто. Слушаю-с, майор.

Макс. Не ходи через площадь, тебя заметят.

Орсанто выходит.

Теперь, малюжка, открой уши. Надо нанести крепкий удар. Мы уедем. Вэди сообщит Руже о нашем бегстве. Слезы и жалобы старика. В разгар его отчаяния является Орсанто с миленькой записочкой, в которой ты прощаешься навеки. Орсанто станут расспрашивать, в конце концов он признается, что ты направляешься в Бурж, в кабриолете...

Флора. Но тогда Руже приедет ко мне в Бурж.

Макс. Ты в этом уверена?

Флора. Безусловно.

Макс. Вот на это я и рассчитываю: в Бурже он у нас в руках. Произойдет сцена в гостинице. Мне не нужно говорить, какая у тебя должна быть поза: распущенные волосы, рыдания в голосе, ты ломаешь руки. Вы, женщины, отлично умеете это делать... Я крикну тебе: «Выбирай между нами!» Тогда ты скажешь Руже: «Вы мой благодетель, я остаюсь с вами, но подпишитесь на ренту». Он подпишется. Я мчусь в Париж, ты приезжаешь туда через месяц, мы реализуем ренту — и живем, как в раю.

Флора. Ну, а если Руже под влиянием племянника не даст своей подписи?

Макс. Тогда ты сделаешь вид, что ты тронута его страданием и все-таки вернешься вместе с ним. Я приеду через два дня и найду способ затеять ссору с полковником — в кафе или в другом месте...

Флора. Ты хочешь драться на дуэли?

Макс (беспечно). Ну да!

Флора. Нет! Лучше все потерять.

Макс. Ба, мы еще не стоим у барьера. Раньше чем сцепиться с этим длинным висельником, мы сыграем в орла или решку. Я уезжаю. Через десять минут — я в седле. В Бурж я приеду около шести. Ты... ты будешь там часов в восемь и найдешь меня в трактире «Золотого льва». До свиданья, дорогая, и выбирайся как можно скорее. (Уходит)

Флора. Вэди, Вэди!

Вэди. Что, мадам?

Флора. Мою шаль!

Вэди. Вы собираетесь выйти?

Флора. Я уезжаю.

Вэди (истрясенная). Мадам...

Флора. Да, я уезжаю. Ты меня проводишь к майору Миньонэ, там меня ждет кабриолет. Ну, по-торопливайся.

Вэди уходит. Флора надевает шляпу, берет бумагу, чернила, садится за стол. Входит Филипп.

Филипп. Ну, что? Могу я, наконец, увидеть своего дядю?

Флора не отвечает. Филипп направляется в глубину комнаты, чтобы открыть дверь.

Флора. Это моя комната.

Филипп. Где же он торчит?

Флора (*идет к лестнице и кричит*). Господин Руже! Господин Руже! Вас спрашивают.

Вэди входит, подает ей шаль.

Делай то, что я тебе сказала.

По знаку Флоры Вэди уходит. Флора надевает шаль.
Входит Руже.

Вот вам ваш племянник.

Руже. Мой племянник?

Флора. Да, вами-таки занимаются в вашей семье! Удивляться тут нечему: когда открывают горшок с медом — слетаются мухи...

Руже. Куда ты идешь?

Флора. Куда мне заблагорассудится.

Флора выходит. Руже и Филипп остаются одни.

Филипп. И вы позволите так с собой обращаться?

Руже. Кто вы такой?

Филипп. Полковник Бридо.

Руже. По... полковник...

Филипп. О, черт! Что с вами? Вы меня боитесь?

Руже. Нет... Куда она пошла? Она вам не...

Филипп. Успокойтесь же, дядя, она вернется... к несчастью для вас. Присядем-ка, так нам будет удобнее беседовать.

Руже (*садится*). Вы в Песудэне?

Филипп. Как видите. И если я здесь, то этим я обязан не вам, не говоря худого слова. Вы отказали моей матери в двадцати тысячах франков, ко-

торые она у вас просила. Баста! Я не злопамятен. Я вылез из этой истории своими собственными средствами: я их всех провел. У меня в голове не мало трюков. Я впутал правительство, палату пэров, юстицию — в общем всю эту лавочку. Все-таки четыре месяца я просидел в карцере. В своей одиночке я размышлял (декламирует):

«Если там не мечтать, то чем занять свой ум?..»

Только расшатанный трон можно оворокинуть заговором, а Бурбоны сидят достаточно крепко. Буржуазия с ними, потому что буржуа, у которых врожденный страх перед выстрелами, боятся гражданской войны и войны внешней. Они мирно переваривают пищу под сенью белого знамени. Приходится терпеть Бурбонов, а раз нельзя их свергнуть, станем им служить. Вот результат моих размышлений. Я молод, я честолюбив, будущее принадлежит мне. Я принесу свое раскаяние. Я вновь поступлю в армию, как и другие, я буду генералом. Да, дядюшка, генералом! Я вбил себе это в башку. О, конечно, это не делается само собой! Прежде всего потребуется лучше одеваться, иметь несколько золотых в кошельке. Я их добуду. А пока что я под надзором верховной полиции сроком на пять лет. Меня должны были отправить в Орлеан. Но граф Серизи, у которого мой брат Жозеф размалёвывает потолки, обратился к директору полиции; то же сделала одна из моих подруг, Мариэтта — танцовщица в Гранд-опера, она на «ты» с пэрами Франции. Мое местопребывание изменили. Вы понимаете, как я счастлив, что я здесь? Нужно сделать доброе дело. Я берусь за это. Нужно вас спасти.

Руже. Меня?

Филипп. Вас, ваше состояние, наконец. Вас обманывают и обкрадывают.

Руже. Кто?

Филипп. О, мой добрейший дядя, не будем разыгрывать хитрецов. Я знаю, что у вас происходит: меня снабдили сведениями. Мадмуазель Бразье водит вас за нос и принуждает делать глупости... Вот, например, сейчас: разве вы не собираетесь положить на ее имя семьсот пятьдесят тысяч государственной ренты? Господи! Семьсот пятьдесят тысяч франков — женщине!!

Руже. Но...

Филипп. Я знаю, я все знаю, дядюшка.

Руже. Я не давал своей подписи.

Филипп. У вас вырвут согласие.

Руже. Флора хочет, чтобы я подписался.

Филипп. А вы не осмеливаетесь ей отказать, святой человек! О, она хорошо знает свою власть над вами, и как она ею злоупотребляет: правда, она чертовски хороша! Царский кусочек — я в этом кое-что понимаю. Но, какого дьявола! Вы богаты, вы вместе право на внимание, и я хочу, чтобы она танцевала вокруг вас, лизала вам руки. А она обращается с вами, как с лакеем. Послушайте, хотите знать мое откровенное мнение? Так вот, Флора мечтает видеть вас на шесть футов под землей, чтобы поскорее выйги замуж за Макса, которого она обо- жаег.

Руже. Нет.?!

Филипп. Да.

Руже. Вы так думаете?

Филипп. Вы это знаете так же хорошо, как и я.

Руже (опустил голову). И все-таки я ее люблю.

Филипп. Еще бы! Когда у нас засядет в печенках такая страстишка... Я вас не браню, я сам пошел в вас, дядюшка. Но я желаю, чтобы вы были счастливы, и я поклялся сделать вашу Рыбачку мягкой, как перчатка, — такой, какой, вероятно, она была прежде, чем этот шалопай забрался в ваше гнездо...

Руже. Если бы вы это сделали!

Филипп. Говорите мне «ты», дядюшка: это придаст вам доверия ко мне.

Руже. Но...

Филипп. Раз я сам вас об этом прошу...

Руже. Если бы ты это сделал, Филипп...

Филипп. Я это сделаю. Кроме всего прочего, этот красивый Макс мне не нравится, — не люблю военных, которые бесчестят мундир. Он тут разыграл мою мать и этого дурачка Иозефа, — теперь он мне заплатит за это!.. Да, мне говорили, что вы собираетесь пригласить 2 декабря нескольких офицеров?

Руже. Да, это верно.

Филипп. Завтра вы отправите мне записку с просьбой присутствовать на этом вечере и... Но прежде всего, дядюшка, вы должны мне поклясться: что бы ни говорила ваша Рыбачка, что бы она ни предпринимала, вы не положите ренты на ее имя раньше 2 декабря.

Руже. Почему?

Филипп. Обещайте мне это.

Руже. Но дело в том...

Филипп. Разве вы не хотите быть хозяином у себя в доме?

Руже. Да.

Филипп. Тогда слушайте моего совета: не дайте своей подписи раньше 2 декабря.

Руже. Когда Флора заговорит со мной, у меня переворачивается душа... Когда она посмотрит на меня как-то по-особенному, ее большие глаза кажутся мне раем. Я ни в чем не могу ей отказать...

Филипп. Ладно, если она станет нежно говорить с вами и посмотрит на вас своими большими глазами, обещайте ей дать подпись, но сейчас же предупредите меня: а я уж буду действовать соответственно обстоятельствам. Боже мой, неужели вы не видите, что эти двое жуликов хотят продать вашу ренту и уехать в Париж — кутить с вашим миллионом! Так слышите? Никаких подписей до 2 декабря!

Руже. Да.

Филипп. Это условлено, не так ли? Вы мне дали свое честное слово. Слово, которое дается солдату, как и слово солдата, — это святая вещь.

Руже. Но... Филипп... что ты хочешь сделать?

Филипп. О, это очень просто, лядюшка: я убью Макса.

Руже. Убьешь Макса?

Филипп. Успокойтесь, я не зарежу его... Я прикончу его честно, на дуэли.

Руже. Ты не знаешь Макса. Он зарубил девять человек на пединках.

Филипп. Да, людей, которые защищали только свою шкуру. Я же защищаю пятьдесят тысяч годового дохода.

Руже. Я не хочу, чтобы ты дрался с Максом.

Филипп. Когда он умрет, вы заживете с вашей Рыбачкой, словно два голубка. Конечно, сперва она будет извиваться, как червяк, потом она станет плакать. Не мешайте литься воде, и в один прекрасный день...

Руже. Я запрещаю тебе вызывать его.

Филипп. Почему?

Руже. Она меня возненавидит...

Филипп. Что за важность! Лишь бы она делала вид, что вас любит!

Руже. Нет, нет!

Филипп. Через два месяца она перестанет думать о своем Максе. Я вам так выдрессирую эту красивую девушку, что она будет по струнке ходить. Она вас полюбит, клянусь пушкой, или я исполосую ее хлыстом.

Руже. Ударить Флору!

Филипп. Единственный способ управлять женщинами и лошадьми! Этим мужчина внушает страх, заставляет любить и уважать себя. Я-то знаю их. Я содержал одну, которая наделала мне больше вреда, чем Флора сумеет вам когда-либо причинить. Зато я научился, до конца моих дней, как следует вести себя с прекрасным полом. Видите ли, дядюшка, женщины — это злые дети, их надо заставить бояться. Потому что самое ужасное — это когда нами правят такие вот куклы.

Руже. Нет, нет, я не хочу, чтобы у тебя была дуэль с Жиле. Насчет подписи — ты прав... я ее не дам... до 2 декабря, но не иди ссоры с Максом. И вообще, все, что говорят о Флоре, — не верно, она питает только дружбу к этому молодому человеку. Она любит меня...

Рыдания за сценой. Выходит, плача, Вэди.

Вэди. Ой, ой, ой!

Руже. Что?.. Мадам?

Вэди. Су... дарь! Су... дарь! Су... дарь!

Руже. Что-нибудь случилось? С Флорой?

Вэди. Ма... дам... Ма... дам...

Руже. Несчастье?

Вэди. Нет. Ой, ой, ой!..

Руже. Что такое? Говори... говори же!..

Вэди. Ма... дам... уе... ха... ла...

Руже. Уехала?

Вэди. Да, уехала. (*Громкие рыдания*)

Руже. Когда она вернется?

Вэди. Она не вернется... (*Рыдания*) Она никогда больше не вернется.

Руже. Она больше не вернется?

Вэди. Н... нет, сударь.

Филипп. Так, так.

Руже. Что ты говоришь?

Вэди. Ах, су... дарь! Какое несчастье! Мадам... такая хорошая барыня.

Руже. Вэди, отвечай мне. Ради неба, где она?

Вэди. Она сказала мне... что вы, сударь, больше ее не любите (*громкие рыдания*), что раз барин приглашает сюда племянников, она уж ничто... в доме... что она лучше уйдет... (*Рыдания*)

Руже. Но куда, куда?

Вэди. Я ничего не знаю... Она сидела в кабриолете, который скрылся за углом...

Руже. А Макс? А Макс?.. Пойди за Максом. Он знает, где она.

Филипп. Еще бы! Он-то ее и скрывает.

Руже. Ты лжешь, ты лжешь! Флора, Флора, где ты?

Вэди. Быть может, вы и узнаете... (*Рыдания*) на этих днях. Она мне велела сделать пакет из ее вещей — она пришлет за ним... О, мадам... О, боже мой!.. Ма... дам! (*Уходит, рыдая, в комнату Флоры*)

Руже (*в полном отчаянии*). Ушла. Флора ушла!

Филипп. Э, дядюшка, не огорчайтесь. Поймите, что за всем этим кроется ловкий маневр, чтобы...

Руже. Ты — негодяй! Что ты ей наговорил? Что ты ей сделал?

Филипп. Спокойно, спокойно, не надо гордиться.

Руже. Зачем ты пришел, кто тебя звал? Кто послал тебя? Твоя мать хочет поссорить меня с Флорой, захватить мое состояние. Но вы ничего не получите... ничего!..

Филипп. Клянусь дьяволом, дядюшка! Я бы уложил каждого, кто осмелился бы говорить мне в глаза подобным образом. Но вас я прощаю... Вы бредите от гнева... Я не сказал мадмуазель Бразье ничего неприятного. Я только мельком ее видел.

Руже. Она уехала из-за тебя.

Филипп. Чепуха! Это было для нее предлогом.

Руже. Я поеду ее искать.

Филипп. Где? Если она действительно хочет скрыться, вам не найти ее убежища. Стащила она у вас что-нибудь?

Руже (*видя открытую конторку*). Меня обокрали! (*Проверяет*) Нет.

Филипп. Значит, она неподалеку и вернется.

Руже. Ты думаешь?

Филипп (*показывает конторку*). Вот вам доказательство. Завтра или сегодня вечером, может быть, через час она придет вам письмо, либо посыльного, который сообщит вам, что она в Шатору или Бурже.

Руже. Да, ты прав, она в Шатору или в Бурже. Я еду. Я обыщу все города, все гостиницы...

Филипп. Клянусь своим чубуком! Да ведь она только этого и добивается. Она убегает, чтобы быть настигнутой. А если только она вас заманит в номер гостиницы, вы пропали. Вы подпишете передачу своей ренты.

Руже. Я подпишу все, что она захочет, только бы она вернулась.

Филипп. Стоп! Без глупостей. Вы мне обещали. . .

Руже. Я ничего тебе не обещал.

Филипп. Вы дали мне честное слово. . .

Руже. Нет, нет, нет! Оставь меня.

Филипп. В такой момент? Ни за что!

Руже. Я хочу увидеть Флору.

Филипп. Сейчас же?

Руже. Да.

Филипп. Хорошо, пусть будет так. Я вам приведу вашу Рыбачку.

Руже. Ты? Филипп. . . дорогой мой Филипп! Ты бы мог. . .

Филипп. В два счета и в три поворота.

Руже. Это правда? Ты не смеешься надо мной?

Филипп. Вы сами увидите. Садитесь вот сюда и пишите под мою диктовку. Ведь у вас есть лошадь?

Руже. О, да, это верно. . . коляску. . . я поеду.

Филипп. Вы бы ее все равно не догнали, — она далеко впереди. Но хороший наездник ее догонит.

Руже. Наездник?

Филипп. Ваша лошадь ходит под седлом?

Руже. Да.

Филипп (*в окно*). Куский, Куский!

Куский (*из-за кулис, польский акцент*). Господин полковник.

Филипп. Пойди в конюшню господина Руже, оседлай его зебру — и марш.

Куский. Куда ехать?

Филипп. Сейчас тебе скажу. *(К Руже)* Тут два тракта?

Руже. Три — Шатору, Бурж и Вьерзон.

Филипп. Дорога на Вьерзон ведет в Орлеан, до которого сто километров, — Флора туда не поедет. На всякий случай мы двинем Куского по дороге в Шатору. Он сделает карьером десять километров. Если он не встретит нашу улетевшую голубку — значит, она смылась в Бурж. Тогда Куский вернется, прищипорит свежую лошадь и двинется рысью в Бурж в качестве предьявителя очаровательного маленького посланца, которое я вам сейчас продиктую. Вы готовы?

Руже *(сел за письменный столик)*. Да.

Входит Борниш.

Борниш. А, добрый день, господин Руже. Наконец-то можно вас найти одного. Чуть я узнал эту новость, я побежал напрямехонько к вам со всех своих старых ног...

Филипп. Что вы там поете?

Борниш. Да как же... насчет мамзель Бразье.

Филипп. Ага! У вас письмо для моего дяди?

Борниш. Письмо? Нет...

Филипп. Вас послала Рыбачка?

Борниш. Да нет же, сударь. Как бы это нам сказать: стою я возле пруда и вдруг вижу — едет майор Жиле на здоровенном коне. И вот проезжает он рядом со мной и говорит мне: «Борниш, ты можешь пойти составить компанию папаше Руже, Флоре это ремесло больше не по вкусу. Мы уезжаем».

Руже. Уехала с Максом?

Филипп. Ну, что я вам говорил!

Руже. По какой дороге они поехали?

Борниш. На Бурж.

Руже. Я еду.

Филипп. Она удрала с Максом, а вы бежите за ней?

Руже. Я хочу ее видеть...

Филипп. Тогда пишете...

Пауза.

Да... надо подумать... Эй, вы, скажите-ка: Жиле был один?

Борниш. Один.

Филипп. Верхом?

Борниш. Верхом.

Филипп. За ним ехал экипаж?

Борниш. Нет.

Филипп. А когда вы шли сюда, вы не повстречали коляску?

Борниш. Нет, не встретил.

Филипп. Но, может быть, какая-нибудь коляска проехала раньше, чем Жиле?

Борниш. Ничего. Я уже стоял порядком, когда увидел, что едет этот вредный майор...

Филипп. Отлично! Он попался. Видите ли, дядюшка, талант генерала заключается в том, чтобы следить за передвижениями противника, изменять свой план по мере того, как противник вынуждает к этому, и пользоваться всеми его ошибками. Уехав один, первым, Макс сделал промах. Теперь я его держу.

Руже. Ты его держишь?

Филипп. Вэди! Вэди!

Входит Куский.

Куский. Господин полковник, нет ключа от колюши.

Руже. Ах, ключ!.. Вот он.

Филипп. Теперь уже не нужно. Мы меняем тактику. *(Кускому)* Ты оставайся здесь.

Куский и Борниш отходят в глубину комнаты. Входит Вэди.

Вэди, где барыня?

Вэди. Она уехала.

Филипп. Нет.

Вэди. Да.

Филипп. Нет. Где она?

Вэди. Откуда мне знать! Мне ее на хранение не сдавали. И потом я не обязана вам отвечать, я вас не знаю.

Филипп. Ладно, но вы ответьте моему дяде. Спросите ее, где Флора.

Руже. Где Флора?

Вэди. Барыня не говорит мне, куда она ходит.

Филипп. Она собиралась удрать с красавчиком Жиле. Вы видите, мы хорошо осведомлены. Макс поехал верхом, а вы соврали, когда сказали, что Флора уже уехала в кабриолете. Она еще в Иссудэне. Где она прячется?

Вэди. Ничего я не знаю.

Филипп. Так вы не хотите сказать?

Вэди. Я этого не знаю.

Филипп *(хватает свою трость)*. А вот я вам покажу, что вы знаете.

Вэди. Сударь!.. Сударь!..

Филипп. У, проклятая перечница! Ты скажешь, или я тебе ребра переломаю. Где барыня?

Вэди. Не знаю.

Филипп. Ну, берегись!

Вэди *(к Руже)*. Сударь, спасите меня!

Филипп (*бежит за ней*). Погоди, я тебе раз-
вляжу язык!

Вэди. На помощь! Сюда!

Филипп. Будешь ты говорить?

Руже. Вэди, умоляю тебя, скажи мне, где Флора,
скажи мне!

Филипп. Если она не ответит, прогоните ее
из дому.

Руже. Да, да, я тебя прогоню, ты слышишь,
я прогоню тебя. Где Флора?

Вэди. Э, сударь, ваша барыня находится у майора
Миньонэ, там для нее закладывают лошадей.

Руже. Я пойду туда.

Филипп. Ни с места!

Руже. Я пойду...

Филипп. Не шевелитесь. Она ждет вас. Вы разве
не видите, что эта обезьяна издевается над вами?
Она хочет, чтобы вы приползли к ее ногам. Надо,
чтобы она в раскаяньи ползала у ваших.

Руже. Я хочу ее видеть.

Филипп. Нет!

Руже. Дай мне пройти...

Филипп. Нет.

Вэди (*к Руже*). Я кликну на помощь.

Филипп. Куский, закрой окно.

Куский становится у окна, не давая Вэди пройти. Фи-
липп держит своего лядю, который пытается выйти. Бо-
риши спокойно наблюдает эту сцену, опершись на палку.

Руже. Пусти меня, бандит! Дай мне пройти, раз-
бойник! На помощь!.. Меня заперли. Я хочу
выйти...

Филипп. Клянусь гробом господним, вы не вый-
дете. Никто не выйдет отсюда. Я — ваш племян-

ник, и я не потерплю, чтобы над вами насмехались.

Руже. Флора! Флора! Флора!

Филипп. Вам приведут вашу Флору, святой человек. Напишите... или нет, вы сейчас неспособны написать письмо — мы бы только потеряли время... Вэди! Вэди! Идите к мадмуазель Бразье — рысью, понимаете? — и скажите ей так: мой дядя дает ей пять минут на то, чтобы вернуться. Если через пять минут она не будет здесь, если она не покорится, — пусть уезжает, она свободна.

Руже. Филипп!

Филипп. Пусть уезжает. Но пусть не надеется, что дядя побежит вслед за ней. Ему пришлось бы убить меня, прежде чем он переступил бы этот порог. И к этому прибавьте, что если она не придет немедленно, то завтра утром заготовленная подписка на ренту будет переписана на мое имя.

Руже. Но...

Филипп. На мое имя. Повторите все это вашей служанке.

Руже. Вэди, сделай так, чтобы мадам вернулась. Скажи ей... что я прошу ее...

Филипп. И скажите ей, что я этого требую. Куский, проводи эту женщину, позаботься, чтобы она точно повторила мои слова. Идите.

Вэди и Куский уходят.

Руже. Флора!

Руже терзается, сидя в кресле, Борниш потирает руки, потом подходит к нему.

Борниш. Ну, господин Руже, не надо так отчаиваться. Она вернется, ваша мамзель. Она не так глупа,

чтобы вас покинуть. Пока есть трава на лугу, до тех пор корова пасется.

Филипп. Ха, ха, ха! Как видно, вы хорошо знаете эту малютку.

Борниш. О, да, господин офицер. Чего только не рассказывают у нас про нее... и про майора Жиде...

Филипп. Вы видите, дядя!

Руже. Это неправда, это неправда!

Борниш. Это неправда? Пусть меня гром разразит, если я лгу. Я видел однажды их обоих, года три назад... я видел их, как вот я вас вижу... Они лежали на травке, за городом, и там, под небесным, сводом они... Я чуть не ослеп... с вашего разрешения.

Филипп. Ну, что? Достаточно ясно?

Борниш. Она вынюхивала ваш капитал. Однажды у мадам Вилат, в бакалейной, она говорила, что она записана в вашем завещании и что после вашей смерти она пустит танцовать ваши денежки.

Филипп. Ну, хватит. Вы ему причиняете боль. До свиданья.

Борниш. Да ведь я пришел потолковать о наших делах с этим добрым господином Руже... насчет расписочки...

Филипп. Придете позже. Налево, кругом!

Борниш. А, хорошо, господин офицер. (*Кланяется*) До свиданья, сударь... до свиданья, господин Руже (*Уходит*).

Филипп. Так вот оно что! Вы уже составили свое завещание?

Руже. Да.

Филипп. Это было не деликатно. Часть этого капитала — та, которой нас лишил дедушка — принад-

лежит Жозефу и мне. Кроме всего, это была с вашей стороны глупость... Где же это завещание? У вашего нотариуса?

Руже. Нет.

Филипп. Где?

Руже (*указывая на письменный столик*). Там.

Филипп. В этом столике?

Руже. Да.

Филипп роется в ящике.

Но, Филипп...

Филипп. Что? Завещание — это вещь, которую можно переделать, когда захочешь... и как захочешь. Хоть завтра, если вам угодно... И вы его переделаете, когда Флора снова станет тем, чем она должна быть — приветливой и покорной служанкой. Я ее заставлю понять ее положение у вас. С сегодняшнего дня вас будут обожать как только это возможно! Вы будете в шелку и в вате...

Руже. Что произойдет?

Филипп. То, что через три минуты к вам возвратится мадмуазель Бразье, кроткая, как пасхальная овечка.

Руже. Дай, боже!

Филипп. Сюда войдет сейчас царица вашего сердца! А господин Жиле ушел отсюда. Разве вы не будете счастливы, словно римский папа?

Руже. Она не простит мне огорчений, которые я ей причиняю.

Филипп. Она будет вас любить — и крепко, я возьмусь за это!

Руже. Флора меня бросит.

Филипп. Нет, если только вы сумеете привязать эту шалунью денежным интересом.

Руже. Она не вернется...

Филипп. Послушайте, дядюшка, если она придет, если она сделает вам ласковые глаза, если она станет ласкаться к вам больше, чем всегда, тогда вы признаете, что я хорошо маневрирую?

Руже. Да.

Филипп. И вы будете слушаться моих советов?

Руже. Да.

Филипп. Тогда можете радоваться, — все будет, как в раю.

Пауза.

Руже. Она не идет. Она не вернется!

Филипп. Где живет Миньонэ?

Руже. На Винодельческой улице, в двух шагах...

Филипп (*смотрит в окно*). Значит, Куский уже повидал прелестную Флору, он поговорил с ней энергично, он был красноречив, он убедил ее возвратиться... и... Вот она, ваша прекрасная беглянка!

Руже хочет броситься к двери.

О, спокойнее, дядюшка! Не унижайте своего достоинства, не позорьте свои седины! Вам не подобает бежать навстречу этой барышне, которая провинилась перед вами. Ступайте к себе в комнату...

Руже. Но, Филипп...

Филипп. Предоставьте все мне. Я работаю для

вашего же счастья. Ступайте, дядюшка, ступайте!..
(Толкает Руже в его комнату)

Входят Флора и Вэди.

Вэди, уходите! Мне нужно сказать мадмуазель два слова.

Флора. Вы, как видно, здесь хозяин?

Филипп. Пока нет, но скоро буду.

Флора. Это мы еще увидим!

Филипп. Поверьте, мадмуазель, вместо того, чтобы относиться друг к другу, как турки к маврам, мы сделали бы лучше, если бы пошли рука об руку. У нас общие интересы. Во всяком случае, я предупреждаю вас, моя милочка, что я восстановил равновесие. У вас нет больше преимуществ передо мной — завещание вот здесь!

Флора. Вы украли эту бумагу?

Филипп. Мне ее доверил мой дядя. Он может ее оставить в силе — старайтесь же! Когда хочешь получить капитал, красотка моя, нужно уметь его заработать. Вы, кстати, достаточно милы для этого. Но было бы умнее, если бы вы были со мной заодно: у меня есть прекрасные планы на будущее для нас обоих...

Флора. Вы с ума сошли!

Филипп. Итак, откровенно: враги или союзники?

Флора. Я вас ненавижу.

Филипп. Это пройдет.

Флора выходит.

Куский (входит). Господин полковник, мадмуазель Бразье только что повстречала Орсанта. Она

передала ему записку. Орсанто побежал к майору Миньонэ, вскочил в экипаж и умчался во всю прыть.

Филипп. Ага! она извещает Макса о положении дел. Разумеется, он вернется, и мой простачок дя-дюшка будет настолько слаб, что откроет ему дверь... Ладно! В таком случае мы освободимся от господина Жиле иным способом. Хорошо, старый воробей, 2 декабря предстоит встреча офицеров, — она обещает быть веселой! Мадмуазель Рыбачка, мы вам замути́м воду!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната, но под другим углом. Видна стена, которой не было в предыдущих действиях. Большой камин, на нем часы и два серебряных шандала с двенадцатью зажженными свечами. Вечер. На сцене Вэди, она зажигает лампу. Входят Руже и Флора. Пауза.

Вэди. Можно снимать со стола, мадам?

Флора. Да. *(Молчание)*. Он не приходил опять?

Вэди. Да, мадам, в шесть часов, когда вас не было.

Флора. Ты сказала, что барин лежит больной?

Вэди. Да. А он говорит — завтра, мол, зайду опять, с доктором.

Флора *(к Руже)*. Вы не примете ни его, ни его доктора.

Руже. Я сделаю то, что ты хочешь. Уже восемь дней я делаю все, что ты хочешь.

Снова молчание.

Макс *(входит)*. Пойду выкурить трубку на воздухе.

Флора. Будьте осторожны, — те, кто живет напротив, могут вас заметить.

Макс. Ночь темная.

Флора. Возвращайтесь с вашими товарищами, как только они явятся, не оставайтесь беседовать на площади.

Макс. Ох, сколько предосторожностей! Пусть бы даже полковник пришел сюда сегодня вечером выпить шампанского, — это нисколько бы меня не смутило.

Флора. Поги его больше здесь не будет. *(К Руже)* Верно?

Макс. В конце концов... для того, чтобы сделать удовольствие господину Руже... будем соблюдать осторожность. *(Уходит)*.

Пауза. Руже плачет.

Флора. Опять! Что с вами?

Руже. Ничего...

Флора. Вы, кажется, должны быть счастливы: все ваши желания исполняются.

Руже. Да.

Флора. Так чего же вы? Когда я возвратилась, я сказала вам: «Выбирайте между племянником и мной». Вы выбрали... С этой минуты я была с вами очень мила, неправда ли? И вы тоже слушались меня. Ваш крикун-племянник приходил по три раза в день, но вы ложились тихонечко в постель, как будто у вас лихорадка. Вы не отвечали на его вопросы. Вы делали вид, словно вас клонит ко сну, — вы очень, хорошо сыграли свою роль. Я всегда говорила, что вы страшно хитрый, мой мышечок. *(Целует его и садится рядом с ним)*. Подумайте, разве я могла бы жить под одной кровлей с этим солдафоном,

который захотел выгнать меня из дому? А разве справедливо было бы винить майора Жиле за мою выходку? Он уехал, чтобы снять для меня комнату в Бурже. Он не хотел, чтобы я оставалась одна в большом городе в течение нескольких дней. Это было бы неприлично... А вы очень горевали, скажите?

Руже. Да.

Флора. А я! Еще больше, чем вы... О, честное слово порядочной женщины — это правда! Неужели вы поверили, что я могла бы без сожаления покинуть этот дом, куда меня взяли маленькой девочкой, воспитали? Я привязана к этим стенам, как мох к трещинам старой городской башни. Ладно! Прошлое умерло! Поставим на нем крест! А теперь, мой теленок, надо стереть следы этих слез. Скорей пока не пришли гости! Они могли бы подумать, что это я делаю тебя несчастным. *(Вытирает ему глаза своим платком)* Вот так, старина Жан. Цвет лица у тебя свежий; как у молодого человека.

Входит Борниш.

А, это вы, наконец?

Борниш. Добрый вечер, господин Руже, добрый вечер, мадам.

Флора. Вы приходите в восемь часов вечера.

Борниш. Я вам скажу... пришлось мне сегодня походить по всему городу... потому что... не было у меня денег... Так что я сделал, как говорится, заем...

Флора. Нечего рассказывать басни, старый хитрец! Все знают, что вы богатей.

Борниш. Ох, можно ли так говорить! Бедный человек, как я, которого почти разорили негодяи...

Флора. Ну, так у вас есть три тысячи франков?

Борниш. Три тысячи франков?.. Есть ли у меня три тысячи франков? Приходится отдать, раз мне угрожают, что продадут весь мой скарб, если я не заплачу точно 2 декабря..

Флора. Так давайте их.

Борниш. А моя расписка, моя маленькая расписочка?

Флора *(идет к письменному столу)*. Вот она!

Борниш. Подумать только, что из-за дрянного кусочка бумаги мне придется отдать вам мои экю, мои красивые новенькие экю!

Флора. Послушайте, поторапливайтесь. Мы ждем гостей.

Борниш. Вот... держите... Две тысячи франков и двести экю в мешочке..

Флора. Сосчитано правильно?

Борниш. Правильно ли? Само собой. Я честный..

Флора. Пойдем проверим. *(Уходит к себе в комнату, унося кредитки и мешочек с серебром)*.

Руже *(зовет Борниша, который направился за Флорой)*. Борниш!

Борниш. Но... *(Жест в сторону Флоры)*.

Руже. Хочешь заработать сто экю?

Борниш. Сто экю!

Руже. Да, пятьсот франков.

Борниш. Хочу ли я заработать сто экю?! О, милостивый боже! Сто экю? Вы, верно, шутите?

Руже. Пойди скажи моему племяннику Филиппу, чтобы он пришел.

Борниш. Офицеру?

Руже. Да... Ты его найдешь напротив, у господина Ошопа... или в клубе.

Борниш. Но... мадам Бразье?

Руже. Ты получишь сто экую, если найдешь его и он сюда придет. Скажи ему, что меня заставили притворяться больным, что я здоров. Скажи ему, что сегодня вечером у меня будут его коллеги, — пусть ливится, но пусть никому не говорит ни слова о моей просьбе.

Борниш. Но, господин Руже, представьте, вдруг узнают, что это я... Я — бедный невинный старик без всякой защиты...

Руже. Никто не узнает.

Борниш. О, вы сами откроете секрет вашей мадам.

Руже. Боже меня унаси!

Борниш. Она из вас вытянет!

Руже. Нет, Борниш. Ведь ты же сам терпеть не можешь Жиле?

Борниш. Ох, не надо говорить таких вещей. Я — добрый христианин, я никому не желаю зла.

Руже. А я — я его ненавижу...

Борниш. Вы, господин Руже?

Руже. Да, я! Я!

Борниш (*осторожно*). Что ж, это бывает...

Руже (*со сдержанным бешенством*). Я не желаю больше видеть его в своем доме, за моим столом. Я не хочу больше, чтобы он стоял между нами. Он любит ее, Борниш! Я это знаю. Ты мне сказал это. Я это знал. Однажды я застал их. Он хотел ее обнять, этот подлец! Да, это негодяй, который крадет у меня нежность Флоры, который хочет украсть мои деньги! Но я не буду больше дураком, я больше не желаю быть простофилей. Скажи Филиппу, чтобы он пришел, — пусть вызовет его на дуэль и убьет.

Борниш (*закрывает ему рот*). Об этом не кричат.

Руже *(тише)*. Да, пусть убьет его, чтобы она вся была моя, моя, только моя!

Борниш. Он не захочет.

Руже. Он обещал мне. Я устрою его здесь, вместо того, другого, я буду обходиться с ним, как с сыном, я впишу его в свое завещание вместе с его братом Жозефом. Обещай ему все это.

Борниш. Но я, господин Руже... что же будет со мной?..

Руже. Иди же! Получишь сто экю, а если он убьет его — сто пятьдесят. Иди!

Входят генерал Карпантье и майор Миньонэ. У генерала нет одной руки, у Миньонэ — деревянная нога. Оба в форме.

Карпантье. Добрый вечер, господин Руже.

Миньонэ *(толстый, фамильярный)*. Добрый вечер, панаша Руже.

Руже. Добрый вечер, генерал... Добрый вечер, майор.

Миньонэ. А где Макс, наш друг Макс?

Руже. Он курит трубку там, на площади.

Миньонэ. А мы его не заметили! Ничего удивительного: темно, как у пушки в дуле.

Флора *(входит, к Борнишу)*. Все в порядке, счет правильный. До свиданья, Борниш.

Борниш. Добрый вечер, мадам, добрый вечер всей компании. *(Уходит, обменявшись взглядом с Руже)*.

Миньонэ. Здравствуйте, мадмуазель, здравствуйте! Всегда в добром здоровьи, а? Оно и видно по «фасаду». А я так страдаю, что готов кричать, как хорек. Все мои проклятые ревматизмы! Память о прусской

кампании! Пять дней в болоте, не пошевелить ногой, тина по шею... (К Руже). Да, нам говорили, что вчера вы были больны и что сегодняшняя встреча откладывается?

Флора. Дело в том... Господину Руже нездоровилось... Но так как сегодня ему стало полегче, то господин Жиле послал к вам Орсанто.

Миньонэ. Да, да. Не надо сдавать, папаша Руже. Это было бы тяжелым ударом и для славного Макса и для этого красивого ребенка. Неправда ли, мадмуазель? Вы бы здорово были огорчены, если бы старик протянул ноги?

Флора (к Карпантье). Курите, пожалуйста, генерал.

Карпантье. Мерси, мадмуазель.

Слышно пение за кулисами.

Флора (с беспокойством). Кто там поет?

Голос приближается, можно различить песню наполеоновской армии — «Будем охранять империю».

Ренар (входит пьяный, в форме. Поет «Будем охранять империю»). Да здравствует император!

Флора (испуганно). Послушайте, капитан Ренар...

Ренар. В чем дело? Я доволен... Сегодня вечером я нажрался и напился в честь императора... (Поет).

Флора (глядит в окно). Но вас могут услышать...

Ренар. Ну, а дальше? Придут, чтобы помешать мне кричать «Да здравствует император»? Пусть только осмелятся! Я готов выкричать всю свою душу, чтобы досадить Бурбонам за то, что они выбросили меня с половинной пенсией...

Миньонэ. Бурбоны? Придет время, мы их выкинем к чертям, да еще поддадим коленкой!

Ренар. Подлецы! Они вернулись, запрятавшись в фургоны союзников...

Миньонэ. Вместе с грязным бельем...

Ренар. И выгнали из армии всех хороших ребят...

Миньонэ. Уж и хороши зато, нечего сказать, их полки, набитые молодыми дворянчиками, которые не стоят даже наших «Мари-Луиз» 1815 года!

Ренар. О, боже! Если бы только казаки могли прийти вторично, воображаю, какую тренку получили бы эти маменькины сынки!

Миньонэ. С каким удовольствием я посмотрел бы, как их толкут в ступе!

Карпантье. Да вы шутите, Миньонэ? Не все ли равно, что вышито на знаменах — клопы Людовика XVIII или императорские орлы! Эти старые доски — французские, вы не должны желать, чтобы их волочили в грязи.

Входят Потель и Макс.

Потель. Господа!.. Вы хорошеете с каждым днем, мадмуазель. Удостоите принять приветствие от сына Беллоны, который, к сожалению, может положить к вашим ногам одни лишь пожелания.

Флора. Орсанго, бокалы!

В продолжение следующей сцены Орсанго и Вэди ставят на стол бокалы, приносят пуиш, бутылки шампанского и т. д. Офидеры стоят группой. Они закуривают сигары. Все в форме.

Миньонэ. Как приятно быть снова среди товарищей!

Ренар. И выпивать!

Карпантье. И говорить о Наполеоне!

Макс. Мне это напоминает наши вечера на бивуаках.

Миньонэ. Там приходилось иной раз есть отвратительную дрянь. Бывало, мы пиروвали с одним филе из дохлой лошади, изжаренным в золе и приправленным порохом. Зато, случалось, мы жрали, как короли, когда в покинутых домах находили провизию.

Потель. Потягивали шампанское, ожидая, пока займется заря — веселая заря сражения.

Миньонэ. Сколько хороших ударов мы наносили и сколько мы их получали!

Макс. Немало я вскрыл черепов и выпотрошил кишек!

Ренар. Красивые были у нас битвы, чорт подери!.. Красиво было!

Миньонэ. Нужно было только слушаться начальников и итти на пушки, — ни о чем не надо было думать.

Ренар. Самое счастливое время — это то, что проводишь в походе.

Макс. А какие были любовные приключения!..

Все. О, приключения!

Хохот.

Миньонэ. Помните этих сентиментальных немков, этих страстных итальянок, которых мы брали штурмом, как города!

Ренар. Сколько у меня перебывало этих женщин! Я держал их неделю, два дня, одну ночь!

Миньонэ. А у меня!

Макс. А я!

Потель. А я! Когда я был под командой у Мюрата...

Ренар. А, у знаменитого Прошибалы!.. Перед ним все отступало.

Миньонэ. Еще бы!.. Вообще, друзья мои, на войне есть один только хороший принцип: броситься на врага и отгрызть ему нос!

Карпантье. Вы так думаете, Миньонэ?

Миньонэ. Да, генерал. Это всегда была тактика Наполеона.

Потель. Когда я был под командой у Мюрата, перед взятием Ульма мой полк расположился в парке какого-то замка, где жила молодая красавица, графиня. Бегу я в замок, чтобы помешать грабежу. Появляюсь как раз в тот момент, когда мой квартирьер прицелился в красотку. Одним ударом сшибаю с ног этого дурака. Дама теряет голову, бросается ко мне в объятия. О, друзья мои, я провел тогда часок... Она была блондинка, высокая, стройная...

Громкий смех.

Ренар. Да, в Иссудэне таких приключений не бывает.

Миньонэ. Увы!

Макс. Иссудэн притупил бы самого Наполеона.

Миньонэ. Бог мой! Если бы он мог возвратиться и возобновить с нами эту скачку по Европе!

Ренар. Кто нам вернет те прекрасные годы!

Потель. Наши триумфальные въезды в захваченные столицы — верхом, сабли наголо, под взглядами дам...

Макс. И дни сражений, когда действительно чувствуешь себя мужчиной.

Карпантье. А я, товарищи, когда я оглядываюсь назад, — я не нахожу ни одного ощущения, о котором я сожалел бы, ни одного дня, который я согласился бы пережить вновь. Это бесславные воспоминания — думать о том, что всю жизнь ты был только вещью, которая убивает.

Молчание.

Макс. Налей шампанского, Орسانто.

Ренар. Вы чокнетесь с нами, папаша Руже.

Потель. И вы тоже, мадмуазель.

Ренар. И мы споем гимн императора. Ну, наливайте бокалы... Встать, товарищи! Встать, как тогда, на вечерах под Веной и Эрфуртом, под Бауценом и под Ваграмом... Давайте!

Офицеры (*поют вполголоса*). «Будем охранять империю!» (*Потом кричат хором*). Да здравствует император!

Макс (*поднимая свой бокал*). Господа, выпьем за нетленную славу Маленького капрала, который пребывает сейчас в раю смелых.

Ренар. Выпьем за Великую армию.

Все. За Великую армию!

Карпантье. Почему не видно вашего племянника, господин Руже? Меня уверяли, что он в Иссудане. Это верно?

Руже. Мой... племянник... да...

Флора. Господин Руже имеет причины быть недовольным полковником Бридо.

Макс. Я получил письма, которые показали мне, какого рода существование он ведет в течение десяти лет, а сегодня утром я получил газеты, где рассказываются подробности о его процессе в палате пэров...

Миньонэ. Ага!

Макс. Господин Бридо вел себя не то как дурак, не то как шпион.

Карпантье. Я не знаком с полковником Бридо, но я слышал о нем еще в армии. У него не было репутации дурака, и никто не считал его способным предать товарищей.

Макс. Возможно. Но, если бы я его увидел, — раньше чем протянуть ему руку, я потребовал бы некоторых объяснений относительно той роли, которую он сыграл на парижском процессе.

Флора. Майор, господин Руже не хочет, чтобы с его племянником затевали ссоры. Пусть себе живет в своем углу...

Потель. Это весьма разумно. У него рожа человека, который не любит, чтобы ему надоедали. Третьего дня я повстречал его с пистолетами подмышкой. Похоже, что он упражняет глаз и руку для какого-то поединка...

Макс (*пожимает плечами*). Пст...

Орсанто снова наполнил бокалы, Макс поднимает свой.

Господа, желаю, чтобы в будущем году мы все снова встретились в этот день.

Все чокаются. В этот момент входит Филипп в сопровождении Куского.

Филипп. Я узнал, дорогие товарищи, что вы должны встретиться сегодня вечером у моего дяди, чтобы отпраздновать годовщину коронации императора. По забывчивости, вероятно, вполне прощательной, меня не пригласили присоединиться к вам. Но я решил, что здесь окажут хороший прием чело-

веку, который передавал приказы вождя в битве при Монтеро и получил орден из собственных его рук.

Флора (*очень взволнована, оперлась на стол*). Конечно же... полковник...

Филипп. Кроме того, господа, есть у нас две общих подруги: армия и родина. Но я вижу среди вас одного из своих старых товарищей... Я попрошу капитана Ренара познакомить нас.

Ренар (*представляет*). Господин Филипп Бридо, командир эскадрона гвардейских драгун. Генерал Карпантье. Господин Миньонэ, майор стрелкового полка. Господин Потель, капитан гвардейской артиллерии. Господин Макс Жиле, командир батальона гвардейских стрелков.

Филипп кланяется всем, за исключением Жиле.

Филипп (*подходя ближе*). Добрый вечер, дядюшка! Прошу прощения за бесцеремонный визит, но вы понимаете, что я некоторым образом выполняю свой долг. Вам немного лучше, да? Ха-ха-ха-ха! Вы пили шампанское... Я вижу, что вы совсем сонный... Хорошо, хорошо! Не обращайтесь на нас внимания, спите! (*Подходит к столу*). Выпьем за императора, друзья мои!

Все. За императора!

Миньонэ. Смерть англичанам!

Ренар. Позор Худзону Лоу, тюремщику Наполеона!

Все пьют, кроме Жиле.

Филипп. Вы не пьете, майор?

Макс. У меня прошла жажда...

Флора. Господин Жиле собирался уходить со своими друзьями, когда вы пришли.

Макс. О, нам некуда торопиться.

Флора. Все дело в том, что господин Руже привык рано ложиться. Неправда ли, господин Руже?

Руже. Да. Но остались еще бутылки шампанского,—я не стану прятать их обратно в погреб. Нет, нет, надо, чтобы гости их выпили.

Репар. Я думаю! Такой день, как сегодня! (*Протягивает свой стакан Орсанто*) Налей-ка в мою кропильницу.

Потель. Мы — среди своих. Поговорим об императоре...

Миньонэ. Пст... Пока еще Бурбоны оставляют нас в покое...

Ренар (*к Бридо*). В Париже полиция не потерпела бы такого собрания, неправда ли, старое дружище?

Макс. Какого чорта, Ренар, ты заговорил с полковником Бридо о полиции?

Флора (*прерывает*). Майор!

Филипп. Капитан Ренар не разумеет ничего дурного.

Макс. Я тоже, мой дорогой полковник. Но раз он заговорил о полиции, не могли ли бы вы дать нам кое-какие разъяснения в связи с вашим процессом? Мы только что об этом говорили. Если вы действительно участвовали в заговоре (*понижает голос*)... а вы понимаете, мы бы хотели, чтобы ваш заговор удался, потому что мы ненавидим Бурбонов...

Ренар (*пьян*). Бурбоны! Свиньи! Проклятые свиньи!

Макс. Как все же объяснить такой легчайший приговор? Признаться ли вам? Над всем этим процессом витает нечто... как бы сказать... неопределен-

нос... даже подозрительное... Ваше двойственное поведение на суде может быть неблагоприятно истолковано теми, кто не знает... прямоты вашего характера...

Флора. Сейчас не время, господин Жиле, заводить споры. Уже поздно, господин Руже хочет спать.

Руже. О, нет, Флора, уверяю тебя...

Филипп (*Максу*). Люди, стоящие у власти, притворились, что они не верят в серьезность нашего заговора... Они решили выставить заговорщиков в смешном свете. Отсюда — их снисходительность.

Макс. Да, но ваши ответы на вопросы председателя суда?..

Филипп. Вы можете их найти во всех газетах.

Макс. Они мне показались... довольно... запутанными...

Филипп. А я так уверен, что они покажутся совершенно категорическими всем тем, кто прочтет их без задней мысли...

Макс. Так вы хотите сказать, полковник?..

Миньонэ. Хорошо, хорошо, не настаивай!

Флора. Не настаивайте.

Макс. Вы хотите сказать, что я приношу в этот спор дурной умысел?

Филипп. Я этого не подумал, иначе, будьте уверены, я потребовал бы у вас объяснений.

Флора. Господа...

Карпантье. Господа... Подумайте...

Флора. Господин Руже, я прошу вас...

Руже (*делает вид, что спит*). А?.. Что?..

Флора. Велите им замолчать!

Руже. Что ты говоришь?..

Филипп. А кроме всего, мой дорогой майор, напрасно вы думаете, что меня приговорили к такому

уж легкому наказанию... Высылка на пять лет в Ис-судэн! Подумайте только об этом! Я имел, правда, удовольствие повстречаться в этом городе со старыми товарищами по оружию, но придется сталкиваться и с разными малопочтенными ловкачами.

Макс. А с кем именно, позвольте спросить?

Филипп. Да всякие типы, которых вы должны знать, о которых ходят позорные истории! Рассказывают о неких молодых людях, которые нагло издеваются над престарелыми мужьями, имевшими глупость приютить их. О красивых девках, которые своими ужимками выманивают у слабых и доверчивых старикашек скандальные завещания. Говорят, наконец, о паразитах, о лизоблюдах, которые пролезли в дома, где они едят, пьют и спят, словно женихи в «Одиссее», и ожидают только смерти хозяина, чтобы спокойно надеть его ночные туфли.

Макс. Но кого же вы подразумеваете? Клеветать—этого еще мало, нужно дать доказательства, назвать имена.

Филипп (*не отвечая ему*). В конце концов, господа, надо признать, что развлечений здесь не много. Человек вроде меня, который непрочь пошлать, чувствует себя неважно. Ладно! Буду копить деньги до того дня, когда я вернусь в Париж к «девицам» (*Максу*). Я ведь не из тех, кому пуховые постели приносят ренту.

Макс (*сдерживаясь*). Что значит этот взгляд? Уж не обо мне ли вы говорите, мой дорогой полковник?

Флора. Макс!

Филипп. Понимайте, как хотите, майор Жиле.

Макс. Полковник, двое моих друзей, присутствующие здесь, Потель и Миньонэ, отправятся...

Флора. Макс! Макс! Я не хочу, чтобы ты дрался!

(Встряхивает Ружье). Проснитесь же, они убьют друг друга!

Потель. Полковник! Майор! Чутьочку спокойствия! На таких пирушках должна царствовать дружба.

Карпантье. Но, господа, вы этого не сделаете! Дуэль! Как можно драться из-за пустяковых мотивов?

Ренар. В такой день! Оскорблять вместо того, чтобы пить! Бридо, послушай, бери стакан и чокнись с ним — так будет лучше.

Миньонэ. Дуэль между гвардейцами! Что скажут штафирики! Макс, сохраним свои силы, чтобы бить бурбонцев.

Орсанто. Оскорбляют моего хозяина!

Куский. Это майор оскорбил моего полковника.

Орсанто. Я ему распорю перину, твоему полковнику.

Куский. Посмей только тронуть его, и я разобью тебе морду.

Орсанто. А ну, посмотрим, как ты это повторишь?

Куский. Я разобью тебе морду!

Орсанто. погоди же! *(Становится в позу для бокса)*.

Филипп. Спокойно, спокойно, Куский!

Миньонэ. Гвардия против гвардии! Я еще понимаю, во время войны двое храбрецов поссорились, дерутся на дуэли. Там нет штафириков, которые стали бы насмеяться над ними. Но здесь, среди глубокого мира, на глазах у обывателей... Нет, это невозможно!

Флора *(к Карпантье)*. Умоляю вас, генерал, сделайте так, чтобы они не дрались.

Филипп. Э, боже мой, мадмуазель, не вмешайтесь в это дело — оно должно решиться между мужчинами. Займитесь лучше моим дядей: его пора отправить спать.

Руже. Да, Флора, пойдем.

Флора. Нет, я не уйду, пока не...

Макс. Ступайте, мадмуазель, ступайте!

Руже. Пойдем, Флора. *(Берет Флору за руку и уводит ее среди глубокого молчания).*

Филипп. Господа, я никого не знаю в Иссудэне, но майор Миньонэ совершенно прав. Нечего устраивать спектакль для буржуа.

Миньонэ. О, если бы какой-нибудь штафирка вздумал заговорить, мы заставили бы его проглотить свой язык — и даже без соуса...

Филипп. Пусть лучше они ничего не знают об этой ссоре между товарищами по службе. Я попрошу генерала Карпантье и моего друга Ренара быть моими секундантами.

Карпантье *(обменявшись взглядом с Ренаром)*. Принято.

Филипп. Не будете ли вы любезны, господа, посоветаться сейчас же об этой маленькой размолвке, чтобы можно было уладить ее завтра же, на рассвете?

Карпантье. Мы пойдем обсудить это к майору Миньонэ. Он, кажется, живет ближе всех?

Филипп *(к Карпантье)*. В таком случае, я попрошу вас, мой дорогой генерал, вернуться сюда, чтобы известить меня о принятом решении.

Карпантье кланяется.

Я остаюсь у дяди. Майор Жиле поймет, я думаю, что на эту ночь он должен вернуться в гостиницу.

Макс *(выходя)*. До завтра, полковник!

Филипп. До завтра, майор.

Миньонэ *(выходит вместе с Максом, вздымает руки)*. Гвардия против гвардии!

Потель (*кланяется, уходя*). Полковник!

Филипп (*прощаясь*). Господа!

Карпантье (*к Филиппу*). Знаете ли вы, что право обиженного и выбор оружия принадлежат майору Жиле?

Филипп. Но мне казалось...

Карпантье. О, это вы его оскорбили...

Ренар. Жиле на редкость владеет саблей. Хочешь, мы попробуем... уладить?..

Карпантье. После того, что было сказано, потребовалось бы принести извинения...

Филипп (*смеясь*). Я к этому вовсе не расположен.

Карпантье. Очевидно. Но в таком случае...

Филипп. Ну, что ж, делайте, как можно лучше.

Ренар. На всякий случай мы потребуем пистолеты.

Карпантье. Боюсь, что эти господа будут настаивать на саблях.

Ренар. Ты знаешь, старик, сегодня ночью тебе нужен покой. Малейшая усталость связывает руку. А на дуэли чуть опоздаешь на секунду — и каюк!

Филипп. Не беспокойся, я буду спать, как Наполеон перед Аустерлицем...

Карпантье. До скорого свидания.

Рукопожатия. Карпантье и Ренар уходят.

Филипп (*к Орсанто, который проходит к себе в комнату*). Вы не будете здесь спать, Орсанто. Вашу комнату займет Куский.

Куский (*насмешливо*). У тебя мягкая постель, товарищ?

Орсанто. Мой хозяин заткнет вам обоим глотки, а если с ним случится несчастье, вы будете иметь дело с Орсанто.

Филипп. Хорошо, господин Орсанта, мы увидим.
А пока — налево кругом и — на посках!

Орсанта уходит, ворча.

(К Вэди). Ну, а что касается вас, Вэди, то с сегодняшнего дня привыкайте смотреть на меня, как на хозяина. Будете слушаться — получите шестьсот франков ренты после смерти старика. При малейшей выходке — за дверь! Пойдите скажите мадмуазель Флоре, что я жду ее здесь.

Вэди выходит.

Куский. Господин полковник?

Филипп. Беги к заведующему почтовой станцией.

Куский. Если он спит?

Филипп. Ты его разбудишь. Пусть запрягает экипаж...

Куский. Но, господин полковник...

Филипп. Что? Вот дурак, не думаешь ли ты, что я хочу уехать?

Куский. Значит... экипаж?

Филипп. Для Макса.

Куский. Для майора Жиле?

Филипп. Да, если я уговорю Флору удрать с ним вместе.

Куский (разочарован). Эге!

Филипп. Ты что?

Куский. Дуэль — это было бы занятнее...

Филипп (строго). Куский, мы явились в Исудан, чтобы завоевать богатство, а не для того, чтобы развлекаться.

Пауза.

После ты станешь в дозоре у дверей. Следн за

возвращением генерала Карпантье. Когда ты его увидишь, зайди предупредить меня.

К у с к и й. Хорошо, господин полковник. *(Уходит)*.

Оставшись один, Ф и л и п п удовлетворенно потирает руки.
Входит Ф л о р а.

Ф и л и п п *(идет к ней навстречу)*. Нам нужно побеседовать вдвоем.

Ф л о р а *(отступая)*. Оставьте меня.

Ф и л и п п. Вы предпочитаете пойти приласкать Макса? Как вам угодно. Действительно, это его последняя ночь — да будет она ему легка! А мне вот думается, что лучше было бы вам присесть и выслушать меня. Мы могли бы сговориться.

Ф л о р а. Что вы хотите мне сказать?

Ф и л и п п. О, ничего! Идите искать своего возлюбленного.

Ф л о р а. Я шла лечь спать, в свою комнату.

Ф и л и п п. Уж не боитесь ли вы, что я сообщу дяде о вашей проделке? Я не шпион. Приговоренный к смерти имеет право на утешение. Идите к Максу.

Ф л о р а. Что вы хотели мне сказать? *(Садится)*.

Ф и л и п п. Ха-ха-ха! Вы спизовали до беседы? Ладно, потолкуем. *(Усаживается с ногами в кресло)*. Вы знаете причины моей ссоры с Жиле. Вы чувствуете, красавица моя, что это будет поединок на смерть. Завтра эта рука отправит майора к теням, либо его рука спимет меня с караула. Если я умру, вы будете хозяйкой у моего глупого дяди, вы его похороните, вы выйдете замуж за вашего Макса. Аминь! Но вероятнее, что я останусь на своих катушках и тогда...

Ф л о р а. Полковник, я не хочу вашей смерти и я не хочу, чтобы вы его убили... К чему эта дуэль?

Филипп. О, по существу, я не плохой парень и я был бы очень огорчен, если бы причинил страдание такой красивой девушке, как вы. У меня нет чрезмерного желания убить этого Жиле.

Флора. Вот как?

Филипп. Достаточно ему уехать.

Флора. Уехать?

Филипп. Пусть отправляется в Америку! Прекрасная страна: я там был. Он там составит состояние. Это будет гораздо почетнее, чем безобразничать по ночам в Иссудэне и быть на содержании в этом доме.

Флора. В Америку?..

Филипп. Заметьте, дорогое дитя, что я вовсе не хочу вас разлучать. Уезжайте вместе. Я заставлю старика дать вам тысяч шестьдесят франков..

Флора. Что мы сделаем с вашими шестьюдесятью тысячами? Мы не уедем.

Филипп. Вас удерживают здесь миллионы моего дяди? О, я понимаю, как тяжело выпустить состояние, которое уже чувствуешь в руках! Итак, вы не колеблетесь между потерей любовника и потерей капитала. Выбор сделан. Вы предпочитаете подвергнуть его риску беспощадной борьбы — потому что я твердо решил добыть его шкуру или же дорого продать свою.

Флора. Для чего драгься? Вы сказали, что можно сговориться. Если бы... вам предложили... эти... эту сумму?

Филипп. С тем, чтобы я принес извинения, неправда ли? Чтобы увидели, что я отлыниваю от смерти? Я был бы обеспечен. Сейчас даже за миллион я не отказался бы от дуэли.

Флора. Послушайте, сударь, что вы имеете против Макса? Если кто-нибудь вас оскорбил, так

только я, я одна. Я старалась вас поссорить с дядей,— да, это правда. Я паговорила ему на вас,— это тоже правда. Я вас не знала. Вы свалились на нас, словно бомба. Я решила, что вы приехали, чтобы выгнать меня из этого дома, где я живу уже двадцать лет. Ну, ясно, я встретила вас как врага! Но я могу добиться от господина Руже, чтобы с этого дня он принимал вас, как любимого родственника! Вы ни в чем не будете нуждаться, живя в Иссудэне. Вы будете окружены вниманием, уважением, вы не сможете на меня пожаловаться. Если я сделала вам какую-нибудь гадость, то ведь Макс не знал об этом. Как же вы хотите, чтобы я просила его уехать, отправиться в Америку? Это немислимо. И как же вы можете без причины убить или ранить человека, или рисковать тем же? О, сударь, откажитесь от дуэли, умоляю вас! Я прошу ради вас самих, ради себя, я прошу вас на коленях...

Филипп. Перестаньте, перестаньте! Не плачьте так, не то вы меня растрогаете. О, я сделал бы хорошенькую глупость, если бы послушался вашего совета,— глупость, которая обошлась бы дорого нам обоим. Я погубил бы свое и ваше будущее. Да, да, потому что завтра я поработаю на себя так же, как и на вас. Предоставьте мне сосчитаться с Максом. Пусть эта дуэль вас не тревожит,— для вас она принесет только хорошее.

Флора. Я умру, если он умрет...

Филипп. Умрете? Хорошая шутка! В вашем возрасте не умирают. Это время наслаждений. А я — я, которого вы считаете врагом,— я хочу, чтобы вы были счастливы. И вы будете. Утрите слезы. Ваши красивые глаза созданы не для того, чтобы проливать слезы. Разве — что бы ни случилось! — хорошень-

кая женщина не получает всегда свой выигрыш? Какая катастрофа может задеть женщину, у которой вот эти руки, эти плечи, эти волосы?..

Флора. Я вижу, полковник, что вы говорите со мной без злобы, вы, значит, больше не сердитесь?

Филипп. Нет, чорт меня дерн! Я никогда не хотел вас огорчить.

Флора. Так что о дуэли можно бы...

Филипп. Э, довольно об этом! Мы будем драться, если только вы не уедете. Вы хотите уехать? Нет? Позвольте же мне сразиться с Жиле и не молитесь за него. Пожелайте, чтобы он отправился туда, к своим товарищам по Великой армии.

Флора. Мой Макс!

Филипп. Макс! Макс! Да, это красивая мордочка, согласен. Но — чорт! — с вашей внешностью вы можете найти двадцать великолепных, крепких молодых людей, которые будут счастливы поклоняться вам или перерезать друг другу глотку из-за вас. Да, не будь вы подружкой моего дяди, клянусь честью, я... Хватит!

Флора поднимает на него глаза и погружается в размышления.

Я еще больше ненавижу вашего Макса, когда вы говорите о нем этим тоном! Скажите откровенно, вы верите, что он вас любит? Вы думаете, он обратил бы на вас хоть чуточку внимания, если вы не жили в этом доме как наследница миллионов моего дяди, если бы он увидел вас в лохмотьях рыбачки, за ловлей раков? Нет, чорт возьми! Поразмыслите минутку, будьте судьей его поведения. Вы увидите, что это венец ловкости и хитрости. И, подумав, — если вы только искренни сами с собой, — вы должны

признать, что этот красивый господинчик льнет только к вашим деньгам...

Пауза.

Флора. Вы сказали, полковник, что вы хотели бы видеть меня счастливой?

Филипп. Да.

Флора. И как... и что бы вы сделали для этого?

Филипп. Я заставлю дядю на вас жениться.

Флора. Господина Руже?

Филипп. Разве это не доказательство моей симпатии? У меня есть и другие основания, чтобы побудить его к этому. О них вы узнаете позже. Вы верите теперь, что я ваш друг? Да, я добьюсь этого брака, и вы станете полной хозяйкой. Наверное вы мечтали об этом с той минуты, как вошли сюда, но вы не смогли уговорить моего дядю. Завтра я уничтожу единственное препятствие, стоявшее между вами. Потом я возьмусь за Руже, — я знаю, как с ним говорить. У меня взгляд, который сковывает дураков. Принудим его, и он сам будет этим доволен. Ну, что, улыбается вам первая часть моей программы?

Флора. Но... почему вы знаете, что я хочу замуж?

Филипп. Это что за песни?

Флора. Быть может, мне лучше остаться незамужней?

Филипп. Вот тебе на! Клянусь пушкой, вам делают головокружительное предложение, а вы плюете на него!

Флора. Не сердитесь, полковник... В моем отказе нет ничего оскорбительного для вас, наоборот...

Филипп. Странный каприз! Вы отказываетесь выйти замуж за моего дядю! Почему?

Флора. Сейчас я сама себе госпожа...

Филипп. Руже никогда не будет тираном.

Флора. Сегодня я не обязана перед ним отчитываться...

Филипп. А что изменится, когда вы станете его женой?

Флора. Я стану его имущественной, его вещью. А я хочу быть свободной.

Филипп. Свободной? Для чего, собственно?

Флора. Для того, чтобы поступать как мне хочется, чтобы делать все, что мне придет в голову... Может настать день, когда я окажусь в затруднительном положении... не знаю, буду ли я всегда любить вашего дядю...

Филипп. Почему вы думаете, что ваши чувства могут измениться?

Флора. Если когда-нибудь... я ведь привыкла, чтобы меня слушались, баловали... если появится здесь человек резкий, даже грубый, я... я... я не знаю...

Филипп. Ага!

Флора. Восхищаются силой, не так ли? Восхищаются людьми с энергичными лицами... Вдруг когда-нибудь я встречу с таким человеком... Разве не лучше, чтобы я была свободна?..

Филипп (*тихо*). Вы свободны еще...

Флора. Да, я свободна.

Пауза.

О, я не знаю, как я осмеливаюсь говорить вам... я теряю голову...

Филипп. Нет, говорите! Я хочу вас понять...

Флора. Но что я могу еще сказать, полковник? Я уже слишком много сказала... я не должна бы...

Впечатления этого вечера... Ваше присутствие здесь, эта тишина... Я взволнована... У меня словно вуаль перед глазами... руки ледяные, попробуйте. *(Дает ему руки)*. Со мной можно сделать все, что угодно.

Пауза.

Ни звука!.. Мы одни.

Филипп *(внезапно склонился над ней)*. Хотите быть моей?

Флора *(тихо, с усилием)*. Да!

Филипп *(отходит, смеется)*. Так, так! Вы хитры, прелестное дитя! Но я сам — старый верблюд и понимаю, что такое женская лесть. Филиппа Бридо не поймашь!

Флора. Полковник!

Филипп. Ночь любви — вот что вы мне предлагаете. А когда я буду в ваших объятиях, вы заставите меня отказаться от дуэли. Либо, если я не соглашусь, то завтра утром, когда Жиле, выспавшись, придет на поединок свеженький, как яичко, я явлюсь, шатаюсь от ласк... И он зарежет меня, как дыпленка... Клянусь богом, мадмуазель Рыбачка, недурная комбинация! Нет, я не продам свою долю счастья и свою долю в наследстве за несколько часов наслаждения! Эта чечевичная похлебка обошлась бы мне слишком дорого. Но ваше поведение позволяет мне тоже быть откровенным, — я могу высказаться яснее. Это я люблю. К тому же я совершенно спокоен. Вы не скажете ни словечка дяде, а не то я расскажу ему, как вы мне предлагались...

Флора. Это для того, чтобы спасти Макса.

Филипп. Этого вы тоже не скажете Руже. Вы будете молчать, и я — тоже. Ей-богу, мы созданы, чтобы сговориться. Так вот, послушайте меня. Завтра

я рискую своей шкурой только для того, чтобы вернуть наследство, которого нас когда-то лишил дед. Когда Макса не станет, я сделаю так, чтобы Руже женился на вас, но вы поможете мне добиться от него, до свадьбы, чтобы он вернул то, что следует моей матери, то, что нам принадлежит...

Флора. Давать вам деньги после смерти Макса? Никогда!

Филипп. Вы отказываетесь?

Флора. Я отказываюсь!

Филипп. Действительно...

Флора. Через меня вы не получите ни гроша.

Филипп. Тогда берегитесь, я заставлю Руже вас выгнать.

Флора. Либо я сама вас выгоню.

Филипп. Ручаюсь, вы этого не сделаете, моя милочка. Добряк у меня в руках. Это он послал за мной Борниша, это он просил меня устроить вашего Макса, к которому он ревнует. Ну, что вы об этом думаете?

Флора (*потрясена*). О!

Филипп. Согласитесь, что, оказав ему такую услугу, я буду иметь на него известное влияние. Он у меня будет, как овечка...

Флора. Я вас ненавижу. Я еще отплачу вам за то зло, которое вы мне делаете.

Филипп. А пока вы в моих руках. И не воображайте, что, выйдя замуж за Руже, вы сумеете одурачить полковника Бридо: я знаю все женские штуки! Я буду вас стеречь не хуже, чем дуэнья.

Флора. Вы негодяй!

Филипп. Нет, моя красавица, я только человек, который изощряется, чтобы вернуть себе богатство, исправить старинную несправедливость (*обнимает ее*).

Флора (*вырываясь*). Разбойник!

Филипп. Без лишних слов! Время не терпит. Вы знаете, какое будущее вас ожидает. Принимайте решение.

Флора (*стонет*). Боже мой! Боже мой!

Филипп. В последний раз! Вы уезжаете или остаетесь?

Флора. Но, сударь!.. Я не знаю... я не могу... Уехать? Когда? Как?..

Филипп. Вас ожидает экипаж у дома заведующего почтой. Пойдите к Максу, уговорите его последовать за вами. Я разбужу дядю и продиктую ему письмо к нотариусу... если только у него не найдется здесь шестидесяти тысяч рублей франков. Есть у него?

Флора. Да.

Филипп. Великолепно. Вам отсчитают деньги, и вы исчезнете.

Флора. Но...

Филипп. Что вы решили?

Флора. Погодите, я...

Филипп. Ну?

Пауза.

Куский (*входит*). Господин полковник, здесь эти господа.

Филипп (*Флоре*). Отвечайте же!

Флора. Одну минутку!

Филипп. Отчего не сейчас?

Флора. Дайте мне подумать.

Входят Карпантье и Ренар.

Филипп. Ну, как, господин генерал?

Карпантье. Дуэль состоится завтра.

Ренар. В шесть с половиной, у паперти старой церкви Капуцинов.

Карпантье. Мы должны были признать за майором Жиле право на выбор оружия.

Флора. На чем будут драться?

Карпантье (к Бридо). Эти господа выбрали саблю.

Флора (крик восторга). Ага!

Карпантье. Поединок будет продолжаться до тяжелой раны.

Ренар. Драться — так до конца, это ясно.

Карпантье. Есть у вас оружие?

Филипп. Я никогда не путешествую без пистолетов и сабель.

Ренар. Тогда принеси свои сабли. Макс принесет свои. Бросим жребий.

Филипп. Хорошо, благодарю вас, господа.

Карпантье. До завтра.

Филипп. До завтра.

Рукопожатия. Карпантье и Ренар уходят. Филипп возвращается к Флоре.

Так как же, мадмуазель, вы подумали? Вы уедете? Останетесь?

Флора. Я остаюсь.

Филипп. Радуюсь за себя.

Флора (выходя). Макс убьет вас.

Филипп. Либо я убью его.

Флора. Не стремитесь к этому, потому что я отомщу за него.

Филипп. Вот это мы увидим, мадмуазель.

Флора уходит.

Куский (потирая руки). Ловко, господин полковник: дураки попались на крючок. Выбрали саблю!..

Филипп. Молчи, могут услышать! Ну, наконец, у нас будут миллионы, и ты увидишь меня генералом. Идем спать. (Обернувшись). Да, Куский, разбуди меня завтра утром в пять часов.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же обстановка. Флора сидит в кресле, опустив голову на руки. Вэди убирает комнату. Долгое молчание.

Вэди (*подходит к Флоре*). Мадам... мадам!..

Флора. Что?

Вэди. Скушали бы вы хоть кусочек...

Флора. Нет.

Вэди. Чашку бульона? Я нарочно сварила хорошую курочку.

Флора. Нет.

Вэди. Вы ни к чему не притронулись за обедом...

Флора. Я ничего не хочу.

Вэди. Вы три дня пролежали в кровати. Вы так слижете надолго.

Флора. Я хотела бы забиться в нору, как зверь, и умереть...

Вэди. Иисусе сладчайший! Что это вы говорите?! Разве можно оскорблять бога такими мыслями?

Флора. Бог несправедлив.

Вэди. Замолчите, мадам! Может, он сжалится над вами. Но только надо быть мужественной. Вы себя отдаете тоске на съедение. Днем вы сидите тут в кресле или стоите у окна, как соляной столб, ночью вы не спите. Слышно, как вы бегаете по комнате, словно больное животное... И уже двенадцать дней, как длится эта штука. Вы себя этак погубите в конце концов. И, может, все это без причины.

Флора. Без причины! Когда он так мучается!

Вэди. Рана опасная, но не смертельная — ведь он жив уже двенадцать дней.

Флора. И я не могу его увидеть! Не могу за ним ухаживать!

Вэди. Доктор Годде и его товарищи смотрят за ним.

Флора. Будь я возле него, мне кажется, я бы его спасла. Один только раз я вырвалась к нему на час. Бедняжка Макс! Ты бы видела его, — бледный, вся голова забинтована, повязка в крови! Его лихорадило, он бредил о войне. Во мне все перевернулось... Мне не позволяют ходить в гостиницу. Я здесь, как пленница, между полковником, его матерью, братом! И я еще должна скрывать свое горе. Мне даже плакать не позволено. *(Рыдает)*. Это несправедливо, о, это несправедливо!

Вэди. Мадам, прошу вас, будьте разумной...

Флора. Кто... знает... кто... знает... как-то он. Ты не спрашивала?

Вэди. Нет.

Флора. Я же велела тебе спросить доктора...

Вэди. А если я его не застала! Его служанка глуха, как полено, она не могла мне объяснить.

Флора. Это правда? Ты от меня не скрываешь чего-нибудь?

Вэди. О, нет, мадам! Я бы не стала вам лгать в такую минуту! Да и Орсапто позволили приходить сюда. Вчера его не было. Может, он как раз и придет сегодня вечером.

Флора. Который час?

Вэди. Пробило шесть.

Флора. Он опаздывает!.. Отчего?..

Пауза.

Боже мой, что он мне принесет?

Вэди. Он принесет хорошие новости. Не знаю почему, но я в этом уверена.

Флора. Ты заказала свечи в часовне святой Варвары?

Вэди. Я сама их зажгла.

Флора. Служили молебен?

Вэди. Сегодня утром. И какой замечательный — я попросила маленького викария.

Пауза.

Флора (*встает*). О!

Вэди. Что?

Флора. Он! Это он!.. Орсапто... Открой ему двери.

Вэди (*открывает*). Нет, мадам, никого. У вас шумит в ушах. Еще бы!.. Вы голодаете!..

Флора. Боже мой! Боже мой! Что с ним?.. Вэди, если я не узнаю ничего за вечер, я сама туда пойду.

Вэди. Как же, мадам?..

Флора. Я не желаю сидеть здесь и терзаться. Я встану, как только пробьет полночь. Ты оставишь

ключ в дверях. Идут! (*Шатаясь, опирается на кресло*).

Входит Потель, покрытый снегом.

Потель. Вот погода! (*Отряхивается*). Снег так и метет!.. Добрый вечер, мадмуазель. (*К Вэди, тихо*). Где полковник?

Вэди. Напротив... у Опонов. Он там обедает.

Потель. Ага! А впрочем, мне наплевать, если бы он и встретил меня.

Флора (*говорит с усилием*). Капитан... Капитан... есть... что-нибудь... новое?

Потель (*смущен*). Да.

Флора. Ну?.. Как он?

Потель. Он... Ему...

Флора. Плохо?

Потель. Да.

Флора. Почему вы так думаете?.. Этого не может быть... Орсанта предупредил бы меня... Вы видели доктора? Нет?.. Тогда... Он не умер?

Потель. Нет, нет! Не волнуйтесь. Он не умер... но он ослабел. Лихорадка сильнее.

Флора. Я иду к нему.

Вэди. Это было бы глупо.

Флора. Пусти, пусти меня!

Вэди. Полковник зайдет сюда перед тем, как идти к себе в гостиницу. Если он вас не застанет, он будет думать, что...

Флора. Ну, так что? Он выбросит меня за дверь? Тем лучше. Я буду с Максом.

Вэди. Мадам, не выходите!

Потель. Да, не ссорьтесь со стариком. Вэди права. Не выходите. Ваше появление может только взволновать Макса. Ведь он еще не погиб. Я видел

его в худшем состоянии восемь дней назад. Он еще может выкарабкаться. Он прочно сделан.

Голос Руже: «Вэди, Вэди!»

Вэди. Барин зовет. Не уходите. (*Выходит*).

Потель. Мы все хотим, чтобы Макс поправился. Такой хороший парень — прямой, откровенный, словно стальной клинок! Какую карьеру он мог бы сделать, будь у нас Наполеон! Быть убитым в такое мирное время, в Иссудэне... так глупо...

Флора. Убитым?

Потель. Ну, раненым! Да еще рукой солдата, такого же солдата, как и мы!

Флора (*тихо, со злобой*). О, этот человек!..

Потель. Жаль, что Максу удалось только поцарапать ему череп! Мы так надеялись, что он расколется ему его тыкву! А вы знаете, полковником восхищаются после этого подвига. Каждый вечер он отправляется на улицу Мясников, в купеческий клуб. Его там чествуют, как героя. Позавчера пили в его честь шампанское. Это дурачье не может простить Максу его проделок.

Филипп (*входит*). Добрый вечер, Потель.

Потель. Добрый вечер, полковник.

Филипп. Вы принесли новости о Жиле?

Потель. Да.

Филипп. Ну, что, он уже проглотил свой язык?

Потель. Нет.

Филипп. Крепкий парень! (*К Флоре*). Моя мать наверху?

Флора (*робко*). Да, сударь.

Филипп. Легла?

Флора. Нет, сударь.

Филпп. Значит, она с Жозефом? (*Проходит, замечает письма на столе*). Это мне письма?

Флора. Да, сударь.

Филипп. Когда получены?

Флора. Сегодня вечером.

Филипп (*берет письма*). Ага! До свиданья, Потель. (*Входит к Руже*).

Потель. До свиданья, полковник. (*К Флоре*). Я жалею вас от всего сердца, дитя мое. Попастъ в лапы к такому казаку... Это ж бедствие! Встретаться с таким типом, разговаривать с ним — ведь это пытка для вас.

Флора. Я с ума сойду из-за него.

Потель. Нет! нет! Я чувствую к вам... большую симпатию, я страдаю, видя, как вы мучаетесь. Я попытаюсь при помощи своих товарищей удалить отсюда эту образину.

Флора. Но как?

Потель. Действуя через наших друзей. Мы попросим, чтобы его перевели в Орлеан. Первоначально его хотели выслать туда.

Флора. Боже, почему его там и не оставили?

Потель. Если мы добьемся, чтобы его перевели, если... мы заставим его убраться, вы позволите вас навещать ипогда?

Флора. Да.

Потель. Мне бы не хотелось оставлять вас наедине с вашим горем. Вам нужно утешение, привязанность. Вы привыкли, что Макс вас балует, нежит... Нужно, чтобы вами занялся друг. Папаша Руже тоже не удивился бы моим посещениям... Он уважает меня... Жизнь в Иссудэне показалась бы вам не такой грустной, если бы возле вас был... кто-нибудь... кто напоминал бы о нем, с кем вы

могли бы поговорить о нем... подумайте об этом, мадмуазель Флора... Но уже поздно... Я ухожу... До свиданья... Зайду завтра... Я буду приходить каждый день... Не отчаивайтесь... все образуется... Вы увидите... Я очень к вам привязан... дорогой друг... очень привязан... да, очень... (*Уходит*).

Флора встает. Стемнело. Внезапно Флора начинает прислушиваться. Волнение. Идет к двери.

Флора. Войди же, Орсанто, войди.

Орсанто. Капитан Потель звал меня...

Флора (*со страхом*). Ну?

Орсанто. Ах!..

Флора. Что? Погиб?

Орсанто. Да.

Флора (*падает в кресло*). Погиб!..

Орсанто. Я покинул его около пяти. Он только что задремал. Но я видел доктора Годде. Больше нет надежды.

Флора. Я пойду туда.

Орсанто. Когда?

Флора. Как только тот уйдет.

Орсанто. Разбойник! Он здесь?

Флора. Да, но он собирается выйти. Макс может говорить? Он узнал тебя?

Орсанто. Он пришел в сознание около четырех часов. Он попросил позвать друзей. Я побежал их искать. Капитана Ренара я вызвал из кафе, пьяного. Потом я был на квартире у майора Миньонэ. Его я отыскал только в пять часов, в клубе: он занимался боксом с управляющим. Потом я был у капитана Потеля — с ним я встретился у ваших дверей.

Флора. Возвращайся туда. Не оставляй его.

Орсанто. Да, но раньше я должен выполнить поручение. Майор почувствовал, что ему конец. Тут он мне сказал, что если он умрет, то я могу взять его коня Тарквиния. Это все, что у него есть. И еще... он пожелал, чтобы я срезал у него прядь волос... для вас... Вот она!

Флора (*целует прядь*). Мой Макс!

Орсанто. И он написал... вот эту записку.

Флора (*берет письмо, читает*). «Прощай, моя Флора. Умираю, думаю о тебе. Твой Макс».

Орсанто. Dio rogo!.. Мы отметим за него?

Флора. Но он еще не умер! Он будет жить! Что-то говорит мне, что он будет жить. Он не может умереть! Это было бы слишком страшно! Помнишь того человека, который в прошлом году свалился с Белой башни? У него была рана в голове. Я ее видела. Она была шириной в ладонь... Кровь как и брызгала. И все-таки он не умер. Я иногда встречаю его в городе, здорового. У него только шрам. Я...

Стук в окно.

(*С ужасом*). Стучали...

Орсанто. Да.

Флора. Открой!.. Открой!..

Орсанто открывает окно. В полумраке фигура Ренара
Он не видит Флоры, стоящей сбоку.

Ренар (*пьяный*). А, это ты, Орсанто! Ну, бедняга готово!.. Он сдал караул...

Флора (*кричит*). О!..

Ренар. Вы были здесь, мадмуазель? Прошу простить. Не видел. Что поделаешь! Приходится примириться. Все смертны. Конечно, лучше подохнуть

на поле брани, чем на своей перипе. Но отец предвечный с нами не советуется. Он скончался у меня на руках, бедняга. Тогда я пошел к попу — пусть пошевелит свои колокола... Все товарищи там. Что ни говори, можно иметь дублепую шкуру, а все-таки кишки переворачивает, когда видишь, что уходит один из твоих. Пойду в кафе! Стаканчик коньяку, чтобы поставить желудок на место. До свиданья!.. Боже, что за холод! *(Затворяет окно и исчезает)*.

Флора *(всхлипывает)*. Макс!.. О, мой Макс!..

Орсанто *(грозит кулаком по направлению комнаты, где находится Филипп)*. Per la Madonna passia rocco! Mangiaro tu segatu!*

Флора. Я никогда больше его не увижу! Никогда! Никогда!

Орсанто. О, если бы он попал ко мне в руки!..

Флора *(плача)*. Что со мной будет? Я погибла. Я его так любила... Он был для меня всем... Только пятнадцать дней, как он стоял здесь — молодой, красивый. Я его видела... А теперь... Макс! Мой бедный Макс!

Орсанто. Он мне спас жизнь в России!..

Флора. Я не останусь в этом доме... Я не хочу больше видеть его убийцу... Пойдем... Пойдем отсюда!..

Орсанто. Куда?

Флора. Туда!

Орсанто. Для чего? Не им нужно заниматься, а этим! *(Показывает на комнату, куда ушел Бридо)*

Флора. О, если бы я могла его задушить!

---

* Итальянское ругательство, не переводимое буквально. Примерно: «клянусь свиначей мадовой! Я сожру твою печень!» *Прим. переводчика.*

Палач! Палач! Неужели же тебе не отольются мои слезы? Неужели?..

Орсанто *(тихо)*. Я сказал ему, что если с майором случится беда, то я... я за него отомщу...

Флора *(заикаясь)*. Что ты... что ты хочешь делать?

Орсанто. Это меня касается.

Флора. Но... когда?

Орсанто. Как только у меня будут деньги, чтобы скрыться.

Флора. Это невозможно... ты не можешь...

Орсанто. Женщины — они не умеют мстить.

Флора. А! Ты меня не знаешь!

Орсанто. Так разве у вас не вскипает вся кровь, когда вы подумаете, что он будет пировать здесь, что он будет спать на простынях майора и курить из его трубок!

Флора. Но... если ты сделаешь это... ты себя погубишь.

Орсанто. С деньгами я мог бы убежать... Кто узнает, где я? Кто меня поймает?

Флора *(повторяет)*. С деньгами?

Орсанто. Чтобы добраться до границы. Там я в безопасности. Пока дышит этот человек, у меня словно камень на груди. Подумать только, что завтра он будет спокойно греть ноги у этого камина, когда моего майора понесут на... Нет, нет... этого не будет...

Флора. Замолчи, он там наверху!

Орсанто. Прощайте!

Флора *(зовет его обратно)*. Орсанто!

Орсанто останавливается.

Орсанто, у Макса не было денег. Он тебя лю-

бил... Однажды он сказал мне... что... если... он умрет... ничего не оставив... он просил меня... дать тебе... кое-что... от его имени. (*Открывает письменный стол, достает деньги и дает их Орсанто*). Бери!

Орсанто (*с жаром целует ей руки*). Да, вы любили его! (*Тихо*). Он не ночует здесь?

Флора. Нет, его мать заняла его комнату.

Орсанто. Он выйдет?

Флора. Сию минуту.

Орсанто. Куда он пойдет?

Флора. В Купеческий клуб.

Орсанто. На улице Мясников?

Флора. Да.

Орсанто. Прощайте!

Флора. Орсанто!.. Вдруг кто-нибудь пройдет мимо...

Орсанто. Некому. Улицы пусты.

Флора. Услышат голос...

Орсанто. Не будет никакого крика.

Флора. Тебя станут искать.

Орсанто. Завтра я уже буду далеко.

Флора. Пошлют людей... в погоню...

Орсанто. Я их опережу: Тарквиний — хороший конь.

Флора. Тогда... Прощай... Орсанто!

Орсанто. Прощайте! (*Уходит*).

Пауза. Флора внезапно вскакивает.

Флора. Нет! Нет! (*Идет к дверям и зовет*).
Орсанто!..

Ответа нет. Она собирается выйти на улицу, когда открывается дверь и сверху доносится голос Филиппа.

Филипп. Спокойной ночи, мама, спи хорошо...

Нет, нет, я не простужусь, не беспокойся. *(Проходит к выходу)*.

Флора *(быстро)*. Полковник!

Филипп. А?

Флора. Вы уже уходите?

Филипп. Это вы? Чего вы торчите в темноте?

Вэди, шедшая за полковником, вносит лампу.

Поставьте на стол, Вэди, и идите спать.

Вэди уходит.

Да, я собирался выйти, но раз я вас здесь встретил, давайте поговорим. Я рассчитывал иметь с вами завтра серьезный разговор. Но можно покончить с этим и сейчас. Ах, да! Послушайте, вы уже пытаетесь сыграть со мной шутку? Что это я слышал наверху? Вы собираетесь требовать у дяди денег?

Флора. Да.

Филипп. Двести тысяч франков?

Флора. Он мне их должен.

Филипп. Да, по-вашему. И старый простофиля тоже готов этому поверить! Но со мной врать нечего! Вам не платили жалованья с того времени, как вы поступили в дом, но вас кормили, содержали, осыпали подарками. Вы пришли босиком, в одной рваной юбочке. Я отлично знаю, что вы оказывали моему дяде неоценимые услуги. Вы также охраняли его капиталы. Без вас его бы давно оштрафовали. Но двести тысяч франков, черт побери! Пожалуй... я посоветую ему выбросить эту сумму, но не наличными — не то вы сразу удерете.

Флора. Да.

Филипп. Вот этого-то я и не хочу. У меня

есть свои причины, чтобы удерживать вас здесь. Подумайте. Вместо того, чтобы оплакивать потерю, сообразите, что вы выиграли. Я повторяю: если вы полегоньку убедите дядю вернуть нам то, что у нас отняли, я уговорю его жениться на вас. Я уже сейчас хлопочу об этом браке. Моя мать тоже. Я знал, что я делаю, когда вызвал ее сюда под предлогом, будто надо лечить эту ничтожную рану. До сих пор вы были только Рыбачкой, в будущем году вы станете мадам Руже. Городские буржуа говорили о вас не иначе, как с презрением. Мэр и священник вернут вам всеобщее уважение. Ну же, не плачьте! Подумайте о будущем. Я даю вам почетное положение, богатство, семью. Разве это не искупает то зло, которое я вынужден был сделать в силу обстоятельств? Ну, черт подери, становитесь мадам Руже! Мой дядя не вечен. Он стар, он болен. А когда он умрет, я женюсь на вас. (*Движение Флоры*). Да, да! Слушайте хорошенько. В письмах, которые я только что получил, есть отличные новости. Моя старая подруга Мариэтта хлопочет обо мне. Скоро она добьется отмены моего приговора и моего восстановления в армии. Но нельзя достигнуть того, к чему я стремлюсь, не имея очень большого состояния. Если мы соединим сумму, которую вам оставит Руже, с тем, что он даст мне, — мы с вами миллионеры. Тогда я вновь поступаю в королевскую гвардию, становлюсь генералом. В гвардии не терпят разночинцев — мы приобретем родовые земли. Послушайте, на этот лоб мы наденем графскую корону. Увидите, как вы будете веселиться. Париж создан для красивых женщин, там жизнь — непрерывный карнавал. Не хмурьтесь на судьбу — она вам улыбается. Подумайте обо всем этом: вы поймете, что я хочу вашего

счастья, только вашего счастья! Решайтесь! Сперва станьте женой Руже, а потом...

Шум. Филипп умолкает. Входит Руже.

Руже. А! Ты еще здесь?

Филипп. Да, милый лядюшка, да... Я беседовал с мадмуазель. Кстати! Что это вы выдумали? Я нахожу, что она очень рассудительна, очень к вам расположена. Неправда ли? Оставляю вас вдвоем. До свиданья, мадмуазель. *(Направляется к выходу)*.

Флора. Полковник! Не уходите!

Филипп. Почему?

Раздается траурный перезвон колоколов — панхида
по Максу.

Флора. Нет, ничего. До завтра.

Филипп. Да, до завтра. *(Уходит, насвистывая наполеоновский марш)*.

Флора тревожно прислушивается.

Руже *(после паузы)*. Флора... Флора... это правда?

Флора. Да.

Руже. Ты не покинешь меня?

Флора. Нет.

Руже. Ты будешь моей женой?

Флора. Да.

Руже. Благодарю тебя, Флора... О, я люблю тебя... Ты—моя жизнь... Ты моя навсегда... моя... *(Хочет поцеловать ее в губы)*.

Флора, охваченная внезапной судорогой отвращения, вырывается.

Флора. О, нет, я не могу... Пустьте меня, оставьте меня!

Руже. Что, что с тобой?

Флора. Это вы захотели смерти Макса.

Руже. Я?

Флора. Полковник мне рассказал.

Руже. Он придумал дуэль... п я... да, я... я... позволил ему...

Флора. Я вас ненавижу, я вас ненавижу...

Руже (*растерянно*). Ты не знаешь... Флора... твоё тело, глаза, твой рот... Чтобы другой их целовал... держал тебя в объятиях... Нет! Нет! Я схожу с ума, я схожу с ума... Будь моей... Я сделаю все, что ты захочешь... Я буду твоей собакой... Ведь любят же животных!.. Люби меня. Я женюсь на тебе, я отдам тебе все, что имею. Другие не получают ничего — ни сестра, ни племянники, ничего! Ты полюбишь меня, скажи мне? Тебе же ничего не стоит сказать мне...

Флора. Нет... нет...

Руже (*внезапно прислушивается*). Флора... Там есть кто-то.

Флора (*вздрагивает*). Никого нет.

Руже. Хотят открыть дверь.

Флора. Вам померещилось.

Руже (*зовет*). Жозеф! Жозеф!

Флора. Не зовите.

Руже. Там, за дверью...

Флора. Кто же может прийти в такой час? Идите к себе в комнату.

Руже. Надо узнать... кто там... (*Кричит*). Кто там?

Флора. Пойдемте!

Жозеф (*входит*). Зачем вы меня звали, дядя?

Руже. Царапаются у дверей...

Флора. Да нет же!

Жозеф. Неужели вы испугались?

Флора. Не отпирайте.

Руже. Да... да... Но будь осторожен.

Жозеф. Сейчас увидим. (*Открывает дверь, виден Филипп*). А, это ты!.. Почему ты не входил?

Филипп шатается.

Филипп!

Руже. Что с тобой?

Жозеф (*поддерживает брата*). Кровь!

Руже. Ты ранен?

Жозеф. Да отвечай же мне: что с тобой?

Руже (*Флоре*). Позови Вэди... Доктора!

Филипп. Незачем... Я пропал... Корсикавец!..

Это она велела меня зарезать.

Руже. Флора!

Жозеф. Эта девка?

Филипп (*прерывисто*). Тише!.. Никому не говорить... Не нужно, чтобы знали... (*К Руже*) Но не женитесь на ней. Пусть уходит. Живите с мамой и Жозефом. (*Собрав последние силы, идет на Флору, подняв кулаки*). Миллионы? Ни вам, ни мне... брату... Шлюха! (*Падает*)

Жозеф. Филипп!

Флора (*тихо*). Завтра я уеду.

Руже (*подавлен*). Да, уходи... уходи!

Жозеф (*наклонился над Филиппом*). Умер!

Руже (*Жозефу*). Разбуди мать!

Жозеф. Бедная мама!.. Последнее огорчение из-за Филиппа...

КОНЕЦ

Областная

Библиотека

Фундаментальная

отдел

№14583

Ответ. редактор *А. Негинский*
Технич. редактор *Г. Семенова*
Художник *С. Верховский*

Сдана в набор 9 июня 1937 года
Подпис. к печ. 27 октября 1937 г.
72·1041 мм г., 3½ печатных листа
В 1 бум. л. 97920 печатн. знаков
«ИСКУССТВО». № 361. Т-4
Тираж 5000 экзempl. Заказ 3303
Ленгорлит № 5166

Тип. «Профинтерн», Ленинград
Екатерингофский проспект, 87